



★ ЛЕНА СОКОЛ

Любовь
по
одмену

Лена Сокол
Любовь по обмену
Серия «Молодежная серия», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42604932

*Любовь по обмену:
ISBN 978-5-04-101555-8*

Аннотация

Зоя готовится принять у себя в гостях студентку из Штатов по имени Челси, но на пороге вместо девушки появляется ее самовлюбленный братец Джастин. Грубиян, наглец, не поддающийся контролю смутьян способен превратить размеренную жизнь бедной Зойки в сущий кошмар. Эта встреча изменит их жизни навсегда. И языковой барьер далеко не самое сложное, что встанет между молодыми людьми.

Содержание

-1-	5
-2-	27
-3-	79
-4-	99
-5-	126
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Лена Сокол

Любовь по обмену

Дорогие читатели!

Любое мнение, высказанное в данном произведении любым из героев, не претендует на то, чтобы быть истиной в последней инстанции. Также просим учитывать тот факт, что обе описываемые страны – очень большие и быт, традиции, предпочтения жителей (и даже описываемые товары в магазинах) могут отличаться в зависимости от регионов и обозначенных географических областей.

© Сокол Е., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Зоя

– Если хочешь, я не поеду. – Слава нетерпеливо переминается с ноги на ногу.

Последние полгода я только и слышала о том, как он мечтает поехать в Калифорнию. Жить в американской семье, ходить в колледж, подтянуть язык, изучить традиции, быт... Какое уж тут «не поеду».

– Что ты... – умело уворачиваюсь от поцелуя.

Папа смотрит на нас ястребом и привычно хмурит брови. Мы со Славой встречаемся почти год, но это не такой приличный срок, чтобы можно было безнаказанно целовать его дочь у него на глазах.

– Я очень хочу, чтобы ты поехал, – киваю, заглядывая Славе в глаза, и крепче сжимаю его руки. – Правда-правда. Просто немного взгрустнулось. Мы же... расстаемся.

– Малыш, – он поправляет сумку на плече и обнимает меня, – не забывай: видеозвонки, голосовые сообщения и электронные письма. Каждый вечер. Да?

Послушно киваю и стараюсь улыбнуться.

– К тому же с тобой будет Челси! – продолжает Слава и

целует меня в нос.

Вот об этом я и беспокоюсь. Как привыкшая к достатку и роскоши американская студентка будет выживать в заурядном российском городке, в небольшом доме с минимумом удобств да еще и в одной комнате со мной?

– Всё! Хватит лобызаний! – Мой брат врывается в пространство между нами, беспощадно разрушая интимный момент.

Он светится, улыбка тянется от уха до уха. Еще бы, Стёпа – настоящий везунчик. Ему предстоит прожить ближайшие полгода в Сан-Диего, на берегу Тихого океана, в шикарном особняке, принадлежащем семье моей подруги по переписке – Челси Реннер.

– Люблю тебя, – шепчет мне Слава.

Ему повезло чуть меньше – остановиться придется в доме Розы и Хуана Мартинез, американской пары мексиканского происхождения со средним достатком, любезно согласившихся приютить студента по обмену из России.

– И я, – отвечаю тихо, чтобы папа не услышал.

Ему очень трудно смириться с мыслью, что его крошка Зоя встречается с «патлатым переростком».

– Уже скучаю. – Все-таки запечатлев над моей верхней губой короткий поцелуй, Слава делает шаг назад.

Стискиваю его пальцы и неохотно отпускаю. Брат красноречиво косится на нас, на отца, затем морщит лицо и толкает Славу в плечо:

– Давай, Славян, шевели окорочками.

Он буквально оттаскивает парня от меня и тащит за собой в зону вылета.

– Я тоже уже скучаю... – бросаю на прощание, робко махнув рукой.

Мама подходит сзади и обнимает меня:

– Зайка, не грусти, – прижимается и больно давит подбородком в плечо, – сейчас встретим Челси и поедем домой. Вам вдвоем будет очень весело, вот увидишь. – Она старательно выделяет слово «очень», и это начинает беспокоить меня еще сильнее. Мамино желание понравиться американской гостье пугает.

«Хэллоу, май нэйм из Людмила, – с улыбкой во все тридцать два зуба повторяет она, пока мы втроем медленно движемся к зоне прилета. – Вэлкам ту Раша!»

Таланта к языкам у нее примерно столько же, сколько у нашего министра спорта. Может, даже чуть меньше, поэтому маман обзавелась новым планшетом, на который Стёпа установил онлайн-переводчик.

– Нужно было написать табличку с именем Челси, – спохватываюсь я, – чтобы было видно издалека. Так все нормальные люди делают.

– Не переживай, – успокаивает меня отец, от которого за версту несет одеколоном. К встрече с гостьей он тоже готовился основательно: причесался, надел новый свитер, погладил брюки. – Вы же договорились, что ты будешь в красной

водолазке. Тем более вы видели друг друга на фото и даже пару раз в «Скайпе».

– Угу, – мычу я, чтобы не разреветься.

Перед глазами по-прежнему стоит Слава. Вот он закидывает сумку на плечо, машет на прощание и торопливо удаляется по коридору. И брат с ним. Если бы не приезд Челси, я бы окончательно расклеилась.

«Вэлкам ту Раша», – повторяет мама снова и снова.

Мы дружно топчемся на месте, разглядываем людей в толпе, сверяем часы. Так проходит час, затем второй. Папа жутко нервничает, мама зачем-то продолжает разминать губы своим «хэллоу», а я пытаюсь понять, в каком месте ошиблась. Не тот рейс? Час, день? Почему она не прилетела? А если прилетела, почему мы не видели ее?

– Зайка, позвони в деканат, – просит мама, когда мы уныло плетемся к машине в вечерних сентябрьских сумерках, – пусть они выяснят, что произошло.

– Я забыла телефон дома, прости. Как только доберемся, позвоню и отправлю Челси сообщение.

– Может, девчонка передумала? – ворчит отец, забираясь в автомобиль. – Зачем гонять людей в аэропорт, если решила не лететь? Трудно было предупредить?

– Я не знаю, пап, – бормочу, устраиваясь на заднем сиденье.

– Трудно было созвониться утром? – продолжает он, заводя мотор.

Но я уже не слышу. Пристегнувшись, откидываю голову назад и люблю медовым золотом, которым налилась листва на деревьях.

– Вэлком ту Раша, – как-то уже безрадостно шепчет себе под нос мама. Отец качает головой и включает радио.

Всю дорогу мы молчим, стараясь не смотреть друг на друга. Я уже скучаю по Славе и брату, и в тот же момент чувствую облегчение – Челси не приедет, а значит, не придется нарушать привычное течение жизни, чтобы показать пресловутое русское гостеприимство.

– А это еще кто? – спрашивает папа, притормаживая у подъездной дорожки.

Подсказываю, пытаюсь вытянуть шею, чтобы увидеть, о ком он говорит, но замечаю лишь темную фигуру на крыльце. Машина сворачивает во двор, останавливается возле гаражных ворот, двигатель глохнет. Отстегиваю ремень, выпрыгиваю наружу и застываю от неожиданности.

На ступенях сидит незнакомый парень. В протертых джинсах и тонкой футболке, несмотря на прохладный вечер. Ткань черного цвета с трудом скрывает проступающие под ней стальные мышцы. Судя по всему, он очень высокий – ноги длиннющие, размер кроссовок не меньше сорок четвертого. Волосы, темные, только на кончиках выгоревшие почти до соломенного цвета, растрепаны. Губы пухлые, в зубах сигарета, в ушах – наушники. Он сидит в расслабленной позе, облокотившись на большую спортивную сумку, затягивает-

ся, выпускает дым, а затем... стряхивает пепел в стоящий рядом горшок с мамиными петуниями.

Мама вылезает из машины и хватается за сердце, папа демонстративно хмыкает и быстрым шагом направляется к незнакомцу. Я стою на месте и не могу оторвать взгляд от его синих глаз, сумасшедше ярких, с застывшим в них оттенком злости и пренебрежения.

– Вы кто? – громко спрашивает отец, подойдя к крыльцу.

Парень не спешит вставать. Он оглядывается по сторонам и, не увидев урны, тушит окурок в горшке. Затем достает из кармана листок и протягивает папе.

– Здесь... наш адрес, – недовольно говорит отец, когда мы с мамой подходим.

Парень сверлит меня холодным взглядом и медленно поднимается. У меня перехватывает дыхание – он выше меня почти на голову.

– Джастин, – представляется незнакомец, смерив меня небрежным взглядом, в котором отчетливо читается, что я – пустое место. Затем смотрит на моего папу и протягивает руку: – Джастин Реннер. – Голос низкий и теплый, с мягким южным калифорнийским акцентом.

Отец растерянно жмет протянутую ладонь, затем передает мне листок бумаги. Пытаюсь взглянуть, но буквы скачут перед глазами. Кажется, там действительно написан наш адрес.

Джастин... Джастин Реннер? Голова начинает кружиться.

Челси пару раз говорила, что у нее есть брат. Но почему здесь он?

– Джастин? – Мама выглядит очень беспомощной и растерянной. – Вэлкам ту Раша... – жмет руку незнакомца. Ее маленькая ладонь тонет в огромной лапище.

– Челси не смогла приехать, вместо нее – я. – Он закидывает сумку на плечо, прячет руки в карманы узких джинсов и хмурится.

Парень вроде как и сам не рад, что оказался здесь.

Мама с папой переглядываются и молчат.

– Они что, не понимают меня? – спрашивает парень, приподнимая бровь.

– Нет, – отвечаю я, – то есть... Но... – опасливо поднимаю на него взгляд.

– Окей, ну, объясни им тогда по-быстренькому. – Он кивает головой и тут же напускает на себя скучающий вид. – Как там тебя?

– Зоя, – выдыхаю, чувствуя себя кроликом перед удавом.

– Зоуи? – явно насмехаясь, переспрашивает он.

– Нет. Зо-я.

– Ага. Ясно. – Он хитро щурится и еще раз произносит: – Объясни им, Зо-у-и.

Джастин

«Первосортный засранец и третьесортный спортсмен!» –

эти слова Челси всплывают в памяти всякий раз, стоит только вспомнить, в какой жопе по ее вине я оказался. Если бы сестра не сдала меня предкам, хрен бы очутился в этой дыре.

Убогая страна, угрюмые люди, холодина жуткая. Как они вообще здесь выживают?

Немая сцена затягивается.

– Э... эм... ну... – Девчонка явно не слишком умна, долго собирается с мыслями и выглядит обескураженной.

– Я смотрю, ты мастер поддержать разговор? – сочувственно гляжу на нее, затем на часы. – У меня не так много времени, и я ужасно устал после перелета. Давай без лишних бла-бла, скажи своим предкам, пусть покажут мне место, где можно перекантоваться, пока меня не выпрут обратно в Штаты. Окей?

– Я... – Эта Зоуи краснеет, как перезрелый томат, явно собирается выдать что-то на английском со своим забавным акцентом. – Я не очень хорошо поняла, что ты сказал... – блеет она, заламывая пальцы. – Не мог бы... ты... говорить помедленнее?

Фэйс палм. Попал так попал...

Ее родители смотрят на меня, как на инопланетянина, неизвестно зачем решившего почтить своим присутствием их жилище, а она и двух слов связать не может.

– Окей, – говорю, наклоняясь к этой малявке, разжевываю по слогам: – Я буду у вас жить. Обрадуй родителей. По-нятно?

– Ан-дэс-тэнд, – сквозь зубы, явно обидевшись, рычит она, поворачивается к предкам и долго что-то объясняет на фирменно русском – грубоватом, холодном и жестком языке.

Все сказанное звучит, будто повторенное многократно «Сталин-Путин-Гор-ба-чев», но мне почему-то нравится наблюдать в этот момент за ее губами. Они мягкие, розовые, пухлые и так красиво складываются трубочкой, когда она раз за разом повторяет какое-то «Он». Что бы значило это слово? Даже интересно, надо будет посмотреть в словаре.

Поймав себя на этой мысли, трясую головой. Единственная моя задача – сделать все, чтобы в максимально короткие сроки свалить отсюда.

Наконец родители девчонки кивают головой, еще раз жмут мне руки и, очевидно, представляются. Вряд ли я когда-нибудь смогу повторить их имена, даже если очень постараюсь. Для меня все сказанное сливается в один большой хаос, от которого плавятся мозги.

Они натужно улыбаются и затем приглашают меня в свое жилище. Двухэтажный домишко квадратов на сто пятьдесят изнутри оказывается вполне пригодным для жизни, светлым и даже уютным. Как если бы меня заселили в семейный придорожный мотель экономкласса.

Папаша сразу бежит к телефону, а мамаша останавливает меня в коридоре, пытаясь что-то объяснить. Видимо, женщине чем-то не угодили мои кроссовки. Она тычет в них пальцем и жестами разыгрывает какую-то пантомимическую

сценку.

– Пожалуйста, – тихо просит Зоуи за моей спиной, – сними обувь.

– Это еще зачем? – спрашиваю.

– У нас так принято.

Оборачиваюсь и опаляю ее злым взглядом.

– Ни за что!

Девчонка поджимает губы, явно что-то обдумывает, затем смотрит на мать и что-то быстро говорит. Та кажется вполне удовлетворенной ее словами и отходит, пропуская меня в гостиную. Бросаю с размаху сумку на пол, падаю на диван и оглядываю обстановку: стол, два кресла, телевизор на стене. Комната совмещена с кухней, где они, очевидно, обедают. М-да...

– Что ты сказала ей? – спрашиваю у Зоуи, которая продолжает вздрагивать при звуке моего голоса.

Ее огромные голубые глазищи хитро сужаются.

– Сказала, что ты переживаешь... – она снова старательно подбирает слова и аккуратно складывает их в предложения, – что запах твоих носков... напугает ее, – набирает в грудь больше воздуха и гордо вздергивает носик. – И что ты обещаешь ей потом вымыть пол.

Мое лицо вытягивается от удивления. Что ж, девчонка не так проста, как кажется. Эта кроха с характером, а значит, вдвойне приятнее будет утереть ей нос.

– Черт, – бормочу, замечая, что кроссовки и правда оста-

вили на полу грязные следы.

И где я успел так вляпаться?

Хозяйка дома скидывает плащ, продолжает что-то суетливо говорить дочери, хватает швабру и лихо протирает за мной пол. Ее муж меряет шагами кухню, громко общаясь с кем-то по телефону. Мы с Зоуи играем в гляделки: я, развалившись на диване, бесцеремонно разглядываю ее щуплую фигурку, она, видя это, вспыхивает еще сильнее. Кожа на ее лице и шее становится почти того же цвета, что и шерстяная водолазка.

– Ты... – наконец она решается снова заговорить, – ты же... должен хоть немного понимать по-русски, разве нет?

Я?! Вот такого уж точно не было в моих мечтах.

– Нет, – морщусь.

– Но... – Теперь Зоуи опять похожа на перепуганного олененка Бэмби. Выглядит это забавно и нравится мне все больше. Она задумчиво смотрит на мои кроссовки, покусывая губу.

– Что?

– Ведь таковы условия программы обмена... – Хлопая длиннющими ресницами, она запинаясь и косится на родителей. – Изучать язык, быт, традиции, хорошо учиться в университете принимающей стороны.

– Нет, – усмехаюсь, – этого я делать точно не собираюсь.

Женщина со шваброй уже возле меня. Смущенно улыбается и жестом просит поднять ноги, чтобы она могла протете-

реть под ними.

Господи, да проще было снять эти чертовы кроссовки! Сумасшедший дом...

– Но... ведь, если ты не будешь всего этого делать, тебя исключат из программы и отправят домой, – бормочет Зоуи, теребя тонкий золотой браслет на запястье.

Встаю, иду к двери, снимаю обувь и возвращаюсь в гостиную в одних носках.

– Детка, в этом-то и вся фишка. – Недобро улыбаюсь, подмигиваю и перевожу взгляд на наручные часы.

Дома раннее утро. Эта долбаная разница во времени ужасно меня напрягает.

Зоя

– Джастин! – радостно вопит мама, распахивая объятия к этому неандертальцу. – Ты снял кроссовки!

Похоже, он сразу догадывается, чему она так рада. И немудрено: мама проговаривает слова отчетливо, артикулирует и жестикулирует так отчаянно, будто пытается обучить шимпанзе членораздельной речи.

– Йес, мэм, – кивает Джастин, сторонясь ее.

– Мам, он тебя не понимает, – бросаю с досады. – Совсем. Даже чуть-чуть.

И тут же спотыкаюсь о его огромную сумку, лежащую на полу. Лечу вперед с вытянутыми руками и еле удерживаю

равновесие, остановившись всего в метре от гостя-иностранца. Парень протягивает свою огромную ручищу, чтобы помочь, но я лучше схвачусь за гремучую змею, чем за его руку. Сжимаю зубы и поджимаю ушибленные пальцы ноги.

У него что там внутри, кирпичи?

– Правда? Ничего не понимает? – Мама совсем не кажется расстроенной и продолжает с улыбкой: – Он кажется мне ужасно невоспитанным. Не знаю, что мы будем с этим делать.

Ей явно доставляет удовольствие возможность говорить про человека, когда тот находится рядом и ничего не понимает.

– Осторожнее. – Джастин многозначительно поднимает брови. Между нами все еще меньше метра, он наклоняется ко мне: – Ты слишком спешишь в мои объятия, детка.

– Что? – бормочу на русском, опешив от такой наглости.

Как сказать по-английски «вот еще» или «больно надо»?!

Так и не вспомнив, возмущенно надуваю губы и отворачиваюсь.

– Думаю, это всего лишь досадное недоразумение и скоро его отправят обратно. – Срываюсь с места и иду на кухню к единственному человеку, который может помочь нам во всем разобраться. – Этот парень не просто не воспитан, он самая настоящая самовлюбленная задница!

В эту секунду отец как раз заканчивает говорить по телефону и поворачивается ко мне. Я вижу мечтательное, до-

вольное выражение, застывшее на его лице: глаза хитро блестя, уголки губ расходятся в улыбке.

– Зайка, почему ты не сказала мне, что отец Челси – известный бейсболист?

Борясь с желанием разбить что-то из посуды, останавливаюсь у обеденного стола.

– А это имеет какое-то значение?

– Да... – Папа бросает заинтересованный взгляд в сторону гостиной. – Очень большое значение...

– И что изменит факт того, что этот хам из богатой семьи? Он кладет руку мне на плечо и несколько раз похлопывает:

– А то, что мы покажем этому иностранцу всю мощь русского гостеприимства и сделаем так, чтобы он смог быстро освоиться. – Папа ласково касается подушечкой указательного пальца кончика моего носа. Будто бы мне пять лет, а не восемнадцать. Что за детский сад? – А ты поможешь ему с учебой. Поняла?

У меня дар речи пропал. Помогать ему? Чего ради?!

– Но почему? – только и смогла выдавить, косясь на чужестранца, презрительно морщившего нос на обстановку нашего дома.

– Потому что отец Джастина щедро оплатит наше терпение.

– Но он ведь не собирается учиться! – Я сама не заметила, как повысила голос. – Этот Джастин собирается сделать все,

чтобы быстрее уехать назад! Его вышвырнут, и я не смогу поехать в следующем году в Штаты. Мне просто не позволят, потому что я «не оказала теплый прием и не создала должных условий» студенту по обмену!

– Значит, мы сделаем все, чтобы он остался здесь на ближайшие полгода. – Папа потирает ладони, натягивает на лицо широкую улыбку и следует в гостиную.

– Ради чего? Ради денег? И сколько он тебе пообещал?

Но мой протест для отца ничего не значит, когда впереди маячит возможность покрыть все наши долги.

– Сынок, – он подходит к Джастину и указывает на лестницу, – пойдем посмотрим твою комнату!

– Не трудись, – ворчу, тяжело вздохнув, – он не понимает ни шиша.

Приближаюсь к гостю:

– Бери свои вещи, – и киваю наверх, – твоя комната там.

Я злюсь. На папу, на американца, на себя и на безвыходность всей ситуации, поэтому стараюсь не смотреть в сторону Джастина. К тому же заранее знаю, что увижу в его глазах – безграничное чувство собственного превосходства.

Поднимаюсь по лестнице первой, а когда наконец оборачиваюсь, вижу все ту же самодовольную ухмылочку на его лице.

Вот же наглец!

Отворачиваюсь и ускоряю шаг.

– Мы ведь не можем поселить его в комнате с нашей до-

черью? – беспокоится мама.

– Конечно же нет, Люда! – отвечает папа. Его голос как растопленный мед. Я не вижу лица, но знаю, что он продолжает «гостеприимно» улыбаться. – Пацан поживет в комнате Степана.

– Да, – мне не удастся сдержаться, чтобы не съязвить, – пусть разнесет там все к чертям. – Поворачиваю по коридору и толкаю дверь в комнату брата. – И не забудь поставить ему пепельницу, а то все горшки с цветами загадит! А нам выдай противогазы!

– Не переживай, дочь. – Папа проходит мимо меня и радостно указывает гостю на комнату. – Сделаем из него человека. И не таких перевоспитывали. – Заметив, что парень замешкался, показывает рукой: – Ну, входи, входи. Вэлкам! Правда, здесь всего одно окно и нет отдельной ванной комнаты, зато имеется неплохой компьютер и вид на улицу. Тебе будет не скучно. – Цыкает на меня: – Переводи, переводи!

Медленно поворачиваюсь к Джастину и устало произношу:

– Папа говорит, что мы хотели поселить тебя в сарае, но, к сожалению, у нас его нет. – Взмахиваю рукой: – Поэтому – вот.

– Будь как дома! – подсказывает папа, улыбаясь.

– Курить в доме строго запрещено, – перевожу я.

– Проходи, сынок, – снова папа.

– Отбой в одиннадцать. – Я.

– Смелее. – Он.

– Шевели ногами! – Я.

Смерив нас по очереди недоверчивым взглядом, парень входит в комнату.

Боже, как же мне нравится наблюдать за его реакцией. В ней все: обреченность, мольба, трагедия, ужас.

Да, милый, придется несладко. Это тебе не роскошный папенькин особнячок у моря с прислугой, кинотеатром, тренажеркой и бассейном. Это комната моего разгильдяя-брата. Это Россия, детка!

Джастин

Непостижимо.

Еще вчера единственной моей неприятностью было нежелание отца слушать и слышать меня, сегодня – вот это все. Темная комнатка размером с гардеробную, низкие потолки, узкая кровать, стол со старым компьютером и деревянный стул. А за окном – осенняя хмарь и десятки разношерстных домов, выстроившихся вдоль кривой серой улочки.

Смотрю и не верю своим глазам. Как живут все эти люди? Неужели им приятно смотреть в окна? Все такое... разное. Почему никто не контролирует внешний вид строений?

Соседский дом, виднеющийся из-за забора, похож на мини-амбар. Деревянный, маленький, всего два окна. Следующий – натуральный скворечник, этажа в три. Дальше по ули-

це – ассорти из каменных замков с коваными заборами и маленьких домов-клетушек, стоящих друг на друге. А это что? Во дворе какие-то земляные холмики. Они что, выращивают... овощи?

Самое интересное, что у одних все кажется ужасно неухоженным, а у других – картинно роскошным. Дома такого не увидишь: каждый район выдержан в своем собственном стиле. Все мелочи оговорены заранее, начиная от высоты, цветовой гаммы и материалов, используемых в строительстве специально нанятой фирмой, и заканчивая высотой и формой газона перед домом. Проложили тебе пешеходную дорожку перед домом – получаешь счет на оплату, провели освещение, поставили почтовый ящик – то же самое. Порядок, демократия.

А тут что? Мрак. Неудивительно, что в этой стране никто почти никогда не улыбается. Кроме родителей Зоуи, которые все еще старательно делают вид, что ужасно рады меня видеть.

Достаю телефон, щелкаю серый пейзаж за окном и отправляю в «Инстаграм», проставив геолокацию. Пусть это будет ответом на десятки пропущенных звонков, сообщений в «Ватсапп» и «Твиттер». У меня нет ни сил, ни желания общаться с кем-то из парней.

Я зол. Ужасно зол.

Оборачиваюсь.

Родители Зоуи все еще здесь. Стоят на пороге комнатен-

ки, улыбаются. Отец поглаживает тыльной стороной ладони гладко выбритую щеку, мать нервно теребит край сиреневой кофточки. Забавные. Он – высокий, подтянутый для своего возраста, светловолосый, она – худенькая брюнетка, ростом ему до плеча. Надо будет спросить у девчонки, как их все-таки зовут. Хотя незачем. Я не собираюсь здесь задерживаться, ведь так?

Они что-то говорят, указывают на мой багаж. Хмурюсь, пытаюсь понять, что же именно. Кажется, это что-то вроде «располагайся» или «будь как дома». Кажется.

Пожав плечами, склоняюсь над сумкой, лежащей на кровати. Открываю замок, достаю оттуда скейт. Предки Зоуи тихо перешептываются. Ее мама не верит своим глазам, подходит ближе и заглядывает внутрь.

На дне сумки остаются лежать четыре одинаковых черных футболки, три белых, кепка, две кофты и джинсы. Еще где-то в боковом кармане должно быть нижнее белье. А, вот и самое главное – наушники. Достаю их, надеваю, подключаю к телефону и врубаю музыку громче.

Мама Зоуи о чем-то переговаривается с мужем, указывает на мои вещи, картинно хватается за сердце. А я ложусь на постель и закрываю глаза. В этой стране, видимо, никто не знает о «личном пространстве». Может, хоть так догадаются. Вскоре фоновые звуки стихают, кажется, ушли.

А я все лежу и пытаюсь понять, что такого могла найти здесь Челси. Почему изучала этот странный, немелодичный

язык, вечерами изводя всех своим р-р-рычанием на русский манер. Зачем обкладывалась учебниками истории, разговорниками, постоянно гуглила что-то, пытаюсь узнать как можно больше. Почему рвалась сюда и почему так радовалась, когда ей звонила эта угловатая невзрачная девчонка с прозрачными, как океан, голубыми глазами.

Черт. Океан. Как же мне не хватает тихого шелеста волн, соленого воздуха и горячего золотистого солнца, обжигающего кожу.

– Эй, – чья-то рука мягко ложится на мое плечо, – эй.

Меня мягко укачивает, засасывая в сон, но эти прикосновения становятся все настойчивее и жестче. Наконец вылетевший из уха наушник заставляет открыть глаза.

– Что? – хватаю непрошеную гостью за запястье, прищуриваюсь, смотрю злобно.

И Зоуи, склонившись надо мной, снова забавно вспыхивает. Ее зрачки расширяются, по лицу разливается густой румянец.

– Тебя ждут внизу! – вырывает руку. – Ужин... в честь твоего приезда.

Девчонка не собирается ждать моего ответа. Роняет наушник мне на грудь, выпрямляется и, тяжело вздохнув, выходит из комнаты. Ее уже нет, но я продолжаю чувствовать исходивший от нее аромат. Корица, ваниль, свежая выпечка... Почти физически ощущаю, как кончики ее волос все еще касаются моей шеи. Закрываю глаза, усмехаюсь и вдруг

чувствую, как в джинсах поднимается самое настоящее восстание.

Неплохая реакция. Даже немного необычная. Давненько со мной такого не было. Вроде девчонка как девчонка, ничего особенного, а у меня от одного запаха ее волос по стойке «смирно». Сажусь на кровати, сдергиваю наушник и прикусываю щеку изнутри. Возбуждение настолько сильное, что срочно хочется залезть под ледяной душ.

Встаю и начинаю ходить из угла в угол, пытаюсь укротить свою природу. Стараюсь думать только о том, как выбраться из этой ловушки. Едва ураган внутри успокаивается, первая же мысль о Зоуи и ее милом испуганном личике, мягких округлостях, обтянутых водолазкой, и упругой попке вновь возвращает его в боеготовность.

Еще раз оглядываю комнату. Какое же все унылое. Понятно, почему они к нам все ломаются. Но Челси... девушка из приличной семьи с хорошим достатком, получающая образование в престижном университете. Что? Что могло ее здесь заинтересовать?

Беру с тумбочки фотографию в рамке. На ней смеющаяся Зоуи обнимается с каким-то темноволосым парнем. Они похожи. Видимо, это ее брат. На девушке легкое белое платье, подчеркивающее точеную талию, светлые волосы, рассыпанные по плечам, слегка вздернутый носик и все тот же яркий румянец. Улыбается во все тридцать два, кажется счастливой и довольной. Аккуратная такая, маленькая, как фарфо-

ровая куколка.

Провожу по фотографии пальцем. Эмоции на ней такие настоящие, что кажется, картинка вот-вот оживет. Мы с Челси так не обнимались уже, наверное, лет сто. Наши отношения дали трещину сразу после окончания школы, точнее, в тот момент, «когда ты стал таким мудаком, Джастин».

Улыбаюсь, вспоминая наши с ней перепалки. В первый раз мне становится по-настоящему стыдно. Каким бы диким здесь все ни казалось – это была *ее мечта*. Побывать в России, посмотреть на местный быт, людей. Никогда не видел, чтобы она желала чего-то так страстно. Называла свое будущее путешествие «настоящим приключением». А я ее этого лишил. Придурок. Когда я наконец спускаюсь вниз, меня встречает аромат горячей еды. Прохожу на кухню. Зоуи, ее мама и папа сидят за столом, заставленным блюдами с разнообразной едой. При виде меня все трое как по команде натягивают на лица улыбки.

Вру. Не все. Зоуи бросает взгляд на часы и устало закатывает глаза. Ее явно напрягает мое присутствие.

Ну что ж. Придется немножко потерпеть, крошка.

– Что тут у нас? – спрашиваю громко и сажусь на свободный стул.

Потираю ладони.

– Руки помыл? – ехидно спрашивает девчонка и кивает в сторону раковины.

Ее губ касается легкая ухмылочка.

Зоя

Джастин не переоделся. Его бицепсы все так же плавно перекачиваются под футболкой, пока он моет руки. А может, и переоделся. Кто его знает? Мама сказала, что парень додумался приехать в холодную Россию без теплой одежды, зато зачем-то притащил с собой скейтборд. Где он собирается на нем кататься? На первой же выбоине упадет и сломает свой надменный, высоко задранный нос.

Одинаковые футболки, одинаковые пары джинсов – ну, это многое объясняет. Я недоумевала, отчего Челси в каждом видеочате предстает передо мной в одной и той же одежде. Вроде не из бедной семьи. Оказывается, все гораздо прозаичнее: американцы просто берут понравившиеся вещи оптом.

Вообще, в этом смысле им повезло больше, чем нам. Особенно южанам. Пока мы закупаемся весенней, летней, зимней одеждой, обувью на каждый сезон и на любые капризы погоды, они имеют возможность тратить эти же деньги на что-то более полезное. Еще и на отдых остается. Интересно, а как этот умник запоет, когда у нас похолодает? Или когда

выпадет первый снег?

Хотя... он же собирается быстрее свалить. Вот и пусть валит. Скатертью дорожка!

– Джастин. – Мама опять подскакивает. Ей не терпится увидеть его реакцию на угощения, над которыми она колдовала все утро. – Рашн фуд. Я старалась.

Мне ее жаль. Разве этот хлыщ способен оценить ее труды?

– Садись, сынок, – улыбается папа. После разговора с руководством университета он так и сияет. А уж мне ли не знать, с каким бы удовольствием он свернул в бараний рог этого любителя подымить. В детстве и даже в юности Стёпе частенько попадало за это ремнем. – Угощайся.

Кстати, странно... Челси вроде говорила, что в Америке редко встретишь курильщиков. Это занятие считается пагубным, и «только идиоты могут добровольно портить свое здоровье». М-да. А еще она упоминала, что ее брат – спортсмен. Какой же он спортсмен, если дымит как паровоз?

– Челси сама выбрала блюда для своего первого русского ужина, – сообщаю я, когда Джастин, сев за стол, начинает сканировать недоверчивым взглядом содержимое тарелок. Он испуганно сглатывает и даже слегка морщится, увидев «сельдь под шубой». – Жаль, что она так и не попробует. Для нас, русских, собираться за столом всей семьей – хорошая традиция. Мы общаемся и делимся новостями. Это называется «за-сто-лье».

Папа довольно кивает и выжидающе поглядывает на го-

стя. Всем своим видом он говорит: «Только попробуй не попробуй».

Мама снова подсказывает:

– Начнем с горячих блюд? – Наливает из пузатой кастрюльки половником в глубокую тарелку борщ с зеленью и кладет в него щедрую ложку сметаны. Ставит перед Джастином. – БорЩ, – улыбается она.

На лице мамы застывает почти детский восторг. На лице парня – настоящий ужас. Папа двигает к нему ложку и тарелку с хлебом.

– Bortsch... – лепечет американец.

Я вижу, как у него перед глазами проносится вся жизнь. Но три пары глаз, уставившихся на него, не оставляют выбора. Видимо, парень все-таки знаком с хорошими манерами, потому что, не смея отказаться, посомневавшись еще пару секунд, он берет ложку и зачерпывает немного супа.

– Горячий, жидкий салат... из свеклы? – спрашивает Джастин, косясь в мою сторону.

Но все ждут, когда он попробует.

– Суп, – ехидно улыбаюсь я.

– Ты с хлебом, с хлебом, – подсказывает ему отец и собственным примером показывает ему, как нужно прикусывать хлеб.

Джастин в это время совершает подвиг: берет в рот ложку борща и с трудом проглатывает.

– Вкусно? Вкусно? – нетерпеливо спрашивает у него мама,

наливая и нам с папой супа.

– Вкусно? – перевожу я, победно вздергивая бровь. – Или уже хочется бежать в «Макдоналдс»? Ты только не рыдай, – приступаю к еде, – у моих родителей все строго: не съел – из-за стола не выпустят.

Джастин растерянно кивает и честно пытается съесть. Мне, конечно, жалко парня, но внутри я торжествую.

– Челси говорила, что у вас в основном едят крем-суп или куриный с лапшой, – замечаю я, – но попробовать борщ было ее мечтой.

– Глупая мечта, – не глядя на меня, ворчит американец.

– Привыкай, – ухмыляюсь, – здесь не будет бургеров и картошки фри. Разве что... арахисовая паста. Но только за хорошее поведение.

– Твоя мама... сама все это приготовила? – после минутной паузы спрашивает он.

– А ты видишь здесь прислугу? – откладываю ложку в сторону. – Конечно, сама.

Челси говорила, что ее мать давно не готовит сама. Все делает приходящая повариха. И еще у них принято добавлять сахар почти во все блюда, даже в супы и салаты. Нелегко придется Джастину, если ему «посчастливится» здесь задержаться... Кулинарный пыл моей матери не под силу унять никому.

– Оливье. – Мама бухает на плоскую фарфоровую тарелку огромную ложку салата. На свободный край кладет «шу-

бу». – Селедка под шубой.

– У вас это называется «Russian salad», – усмехаюсь я, видя смятение в пронзительных синих глазах американца. – А вот это красное – «шуба».

– Выглядит странно, а пахнет просто ужасно, – признается он вполголоса.

Ему еще крупно повезло, что мои родители его не понимают.

– Ты ешь, ешь, – подбадриваю я. – Тебе понадобятся силы, чтобы пережить русскую зиму.

– Нет уж, спасибо. – Его вилка в нерешительности зависает над салатом.

– И не забывай хвалить, маме это важно. Иначе я не скажу тебе, где у нас находятся точки фастфуда.

Бросив на меня злой взгляд, Джастин кладет немного салата в рот. Жует медленно, осторожно, будто липкую ириску во рту перекатывает.

– Вкусно? – спрашивает мама. Если парню понравится, она в самое ближайшее время познакомит его с винегретом, салом и гречкой. Последнюю и вовсе почти никто из американцев в глаза не видывал.

– Йес, – неуверенно кивает Джастин, но после того, как во рту у него оказывается селедка под шубой, выражение лица парня заметно меняется.

– Только попробуй выплюнуть, – предупреждаю я, – глотай, если хочешь жить. Папа такого не простит.

– Может, надо было пельменей сварить? – переживает мама, глядя, как парень силится проглотить непривычный для него продукт.

– Завтра, – улыбаюсь я.

Пусть сегодня сполна вкусит безвыходности своего положения.

– А какие у вас национальные блюда, Джастин? – спрашивает отец.

Парень беспомощно устремляет взгляд на меня. Так уж и быть, переведу ему вопрос:

– Какие национальные блюда в Штатах?

– Э... хм... – На его лице написаны смущение и тяжелый мыслительный процесс одновременно. – Пицца?..

– Пицца – это еда итальянских бедняков, которые запекают с тестом все, что завалилось в холодильнике, – категорично заявляет папа, услышав ответ.

Разумеется, его не волнует, что пиццу давно едят во всем мире. И даже в нашей семье. Оставляю его замечание без перевода, чтобы не травмировать не устоявшуюся нежную психику гостя.

– Бедный мальчик, – качает головой мама. – Он же совсем не знает, как пахнут свежие продукты. Одни сэндвичи там у себя лопают с усилителями вкуса да с консервантами! Ну, ничего, мы его выходим. За полгода станет на человека похож!

Ее решительность всегда меня пугала, но сейчас вызывает

улыбку. Такой здоровый бугай, а она его выхаживать собралась.

– Что это? – стонет Джастин, когда мама ставит перед ним тарелку с окрошкой.

И я теряюсь, не знаю, как назвать это блюдо. Может «о, крошка», это же типа «о, baby» или вроде того... Тут же краснею, заметив, как гость разглядывает меня, ожидая ответа.

– Это такой... холодный суп, – тщательно подбираю слова. – Салат, который заправляют...

– Содовой? – Парень зачерпывает ложкой окрошку, нюхает и морщится. – Пивом?

– Это... хлебный напиток, – наконец говорю я, – называется «квас».

Он будто размышляет, стоит ли попробовать, если ему все еще хочется жить.

– Ох уж эти русские... – бормочет, складывая свои пухлые губы утиным клювиком и осторожно пробуя на вкус окрошку. – Почему ж не водкой сразу?

– Ах да, – вспыхиваю я, – пойду наверну водки, накормлю своего ручного медведя, потом надену лапти и сяду играть на балалайке. Так вы о нас думаете, да?

– Слушай, Зоуи, – теперь он даже выглядит виноватым, – я против стереотипов, честно. – Его лицо внезапно озаряется самодовольной ухмылкой. – Но мне нравится, как ты злишься.

– Тогда попробуй вот это, – сама уже не зная, на что злюсь, восклицаю я. Ставлю перед ним прозрачную емкость с холодцом. – Тебе понравится!

Парень хмурится, вглядываясь в содержимое стеклянной мисочки.

– Желе из... мяса? – Его брови ползут вверх. – Ты серьезно, Зоуи?!

– Ну, вы же едите сладкое желе? Это такое же, – поджимаю губы, – только соленое.

Парень, кажется, пятнами скоро пойдет. Ест медленно, почти не дыша, видимо, боится, что его стошнит прямо на стол. Мои родители не отрывают от него глаз, а я кайфую. Подобная пытка сбивает спесь даже с самовлюбленных идиотов.

– А теперь налей Джастину чая, пожалуйста. Да погорячее, – подсказываю маме, когда испытание «русским гостеприимством» подходит к концу.

Не могу удержаться, очень хочется посмотреть на его ошарашенный «фейс». Американцы почти не пьют чай, тем более горячий. По умолчанию в любом кафе вам подадут чай или кофе со льдом. Если только заранее не попросить «no ice».

– А это еще что? – нижняя челюсть гостя медленно отъезжает вниз.

– Чай. Обычно мы пьем его от двух до пяти раз в день. Тебе понравится. Очень согревает, – не могу удержаться от

довольной улыбки. – Это ты еще кисель не пробовал. М-м-м, пальчики оближешь! – Поворачиваюсь к маме: – И молочка ему плесни, мамуль.

Никогда еще наши семейные посиделки не проходили так весело.

Джастин

Это было жестоко.

Даже не знаю, Челси так отомстила своим меню «первого ужина» или сами хозяева, но мне сейчас реально дурно. Не может быть, чтобы эти сумасшедшие русские питались так каждый день.

Горячий суп, холодный суп. Мерзкого вида рыба с вареными овощами под розовым соусом! Как вспомню тот запах, так все съеденное моментально подкатывает к горлу. А желе из мяса... бр-р-р... Этой гадостью можно пытаться людей. Как они вообще это едят? А главное – зачем?

Хотя, надо отдать должное, как бы противно ни выглядела русская еда, на вкус она вовсе не так плоха. Особенно «борт»? «Броч»? «Борщщ»? Если есть его с закрытыми глазами и не вспоминать про свеклу. Я видел этот овощ всего три раза в жизни, один из которых – на картинке в каком-то журнале.

– О, боже мой...

Поднимаюсь по лестнице, захожу в свою новую комнату

и падаю на кровать лицом вниз. Белье свежее, пахнет цветами или, может, морозной свежестью. Но меня мутит даже от этого запаха. Отважно сражаюсь с самим собой, стараясь думать о чем-то отвлеченном.

Достаю из кармана мобильный и проверяю почту. Две сотни лайков и дюжина комментариев в духе: «Боже, как тебя туда занесло?», «Джастин, это что, шутка?», «Не завидую», «Крепись, бро».

Челси тоже поставила «лайк» под моим фото. Даже через экран чувствую, как сильно ей хочется меня придушить. Если бы не деньги отца и его дикая ярость, никто бы, конечно, не взял меня в программу вместо сестры. Еще и так быстро, экстренно даже. Мне очень жаль, но Челс сама виновата – сдала меня отцу. Вот и осталась теперь без путешествия, подруги Зоуи и «бортчщ».

О нет, нет, нет, нет...

От одного воспоминания о застолье меня прошибает пот. Смахиваю холодные капли со лба, стараюсь дышать глубоко и часто, хватаюсь за живот. Так плохо мне не было, даже когда мы с парнями из команды решили перекусить мексиканскими чимичангами, тогда я провел в туалете почти двое суток.

Оу, боже мой...

Утыкаюсь лбом в подушку и сглатываю. Во рту столько слюны, что можно затопить всю постель. Это, вообще, нормально? Или я уже умираю? В области живота появляется

невыносимая тяжесть, а затем неприятная навязчивая резь. Будто кто-то тычет ножичком в солнечное сплетение, наверное, это Зоуи, мстит мне за что-то. Только вот за что? Открываю гугл-переводчик и ввожу слово «zadnitsa» – так сказала Зоуи, показав на меня пальцем. Не проходит и секунды, как в графе «перевод» отображается слово «zadnitsa». «Черт. Ну а что ты хотел? Нужно писать русскими буквами, а их я не знаю. Попробую спросить завтра у хозяина дома или его жены. Они мне теперь должны. После такого приема еще неизвестно, быстрее я сам отсюда свалю или эти люди прикончат меня своей пищей.

Снова вытираю пот со лба. В голову стучится запоздалая мысль о том, что пора бы пойти разыскать уборную.

Зоя

Переодеваюсь в пижаму – коротенькие шортики, тонкий топ на бретельках – и забираюсь с ногами на постель. Конечно, мне немного стыдно, но только самую малость. Не стоило заставлять его доедать все до конца. Предполагалось, что Челси просто попробует все, о чем так давно мечтала, но видеть смесь ужаса и безвыходности в глазах ее братца – поистине бесценное удовольствие. Это лишь немного компенсирует мою досаду от того, что я лишаюсь возможности поехать в Штаты на будущий год, и все благодаря ему.

Достаю телефон. На экране большими буквами высвечи-

вается сообщение от **Ч. Реннер**: «Прости, что так вышло. Это все отец. Он очень разозлился на брата и решил, что в ссылке тот одумается бросать бейсбол».

Отвечаю: «Он невыносим».

Ч. Реннер: «Знаю:(Сорри, сорри, сорри:(:(Держи меня в курсе всего, ладно? Завтра созвон. Я на учебу».

Ах да. У них же около одиннадцати часов дня. Челси всегда в это время выходит из своего частного общежития для состоятельных студентов и едет на машине двести метров до университета.

Ну, ладно. Зато можно позвонить Славе. Набираю. Сначала в трубке что-то шуршит, затем повисает оглушительная тишина. Сбросил, что ли? Ну и правильно. Дорого же. Наверное, сейчас перезвонит по «Скайпу» или «Ватсаппу».

Но звонок не раздастся ни через минуту, ни через десять.

Пишу сообщение: «Все в порядке? Как там USA?»

Гипнотизирую глазами телефон. Десять минут, двадцать, тридцать. Начинаю нервно тереть пальцем дисплей. «Лучше мозги себе потри, глядишь, заработают, – приходит очевидная мысль. – Человек первый день на новом месте. О господи!.. Да он же еще в самолете! Стёпка говорил, что им лететь больше десяти часов. Вот я дуручка...»

Закидываю телефон под подушку, выключаю свет и выхожу из комнаты в темный коридор. Крадусь на цыпочках в полной тишине. Когда до ванной остается всего пара метров, любопытство берет верх. Останавливаюсь и делаю два шага

назад.

Дверь в комнату брата прикрыта. Свет не горит, но в вечерних сумерках даже через узкую щель видны голые ноги гостя, торчащие у изножья кровати. Он лежит на животе, не шевелится. Надо же, уснул. Так быстро.

Слушаю его мерное дыхание и качаю головой. Выносливый попался нам постоялец. Глядишь, все действительно окажется не так плохо. Может, он даже не такой мерзавец, каким кажется. Хотя вряд ли.

«Зоя, даже не мечтай!»

Набираюсь смелости и приоткрываю дверь шире. В свете луны его ступни кажутся идеальными: ровными, аккуратными, даже красивыми, несмотря на гигантский размер. И пальчики – такие кругленькие, подушечки мягкие, а пяточки... Захотелось потрогать.

«Ой-ей! Неужели квас в голову ударил?»

Захлопываю с размаху дверь и бегу в ванную. Отражение в зеркале подтверждает мои опасения – щеки опять горят. Возмутительно, бесстыдно, невозможно горят! Прямо как красное знамя – только дурак не заметит.

Дрожащими руками закрываюсь на замок, включаю воду, жду с полминуты, пока немного нагреется, и лезу под душ. Освежиться. Смыть с себя все эти мысли. Жаль только, голову не прополощешь – было бы сейчас как нельзя кстати. Добавляю холодной воды. Еще немного. И еще. Пока становится почти невозможно терпеть. Зубы стучат, сердце коло-

тится как бешеное, а передо мной опять эти ступни – сексуальные до невозможности. И бицепсы, и волосы эти, слегка тронутые солнцем на кончиках, и кожа загорелая с оливковым оттенком. А глаза – до невозможного синие, хитрые и отчаянно наглые.

«Слава. Слава. Слава. У меня есть Слава», – повторяю как мантру, направляя душ себе прямо в лицо.

Это просто временное помешательство. Только и всего. Ну, и почему так тяжело выкинуть этого Джастина из головы? Пяточки, пяточки, м-м-м... Не знала, что они могут быть такими притягательными.

«Окстись!» – как сказала бы мама.

Я неловким, почти импульсивным движением выключаю воду и принимаюсь судорожно вытираться махровым полотенцем. Лицо, шею, плечи, грудь. «Завтра все пройдет, – уверяю себя, пока все тело высыхает. – Обязательно. Вот только поговорю со Славой. Да и этот американец, наверное, не выдержит и свалит. Так что все пройдет. Пройдет. Ну вот, смотри, как легко выкинуть его из головы».

Натягиваю пижамный костюм, распахиваю дверь и со всей силы впечатываюсь холодным носом в горячую грудь Джастина. Бам! Беззвучно, но мое сердце останавливается, издав именно такой несчастный стук. Жалобный и жалкий.

Меня тут же отбрасывает назад от удара. Теряю равновесие, по инерции взмахиваю руками, но не успеваю даже охнуть от неожиданности, как сильные мужские руки обхваты-

вают в темноте мою талию – Джастин решительно притягивает меня к себе.

Боже... Он в одних штанах, а его грудь такая горячая и твердая, что я своими сосками чувствую каждую мышцу. Замираю на мгновение и какого-то черта позволяю удерживать меня так: требовательно и даже излишне крепко. Его дыхание опалает таким жаром, что щеки опять мгновенно вспыхивают.

Проходит секунда или двенадцать тысяч секунд, прежде чем в голову приходит мысль о непристойности происходящего. Понимаю, что пора бы уже начать вырываться, и возмущенно взмахиваю руками в попытке оттолкнуть наглеца, как он вдруг отшвыривает меня в сторону. Бесцеремонно и небрежно, словно тряпичную куклу. Затем быстро забегает в ванную комнату, резким движением открывает крышку унитаза, склоняется, сгибаясь почти пополам, и с громким утробным звуком избавляется от всего, что было съедено за ужином.

Джастин

Освободив желудок, сразу чувствую облегчение. Нажимаю кнопку слива и оборачиваюсь к двери. Зоуи все еще здесь. Стоит в проеме и смотрит на меня глазами, полными ужаса.

– Oh, – вздыхает она и затем громко сглатывает, – blin...

– Что такое «blin»? – спрашиваю, ощущая небольшую слабость в ногах.

– Не важно. – Зоуи делает решительный шаг ко мне и замирает. – Как ты? – Девчонка стоит босыми ногами на холодном кафеле. Ее светлые волосы, еще влажные после душа, стелются по дрожащим плечам тонкими атласными лентами и слегка завиваются на кончиках. Впадинки над ключицами кажутся глубокими, а кожа на них настолько белой, почти прозрачной, что мне хочется прикоснуться к ней губами.

Поражаюсь своим мыслям. Еще пару дней назад я с легкостью мог уболтать хорошенькую блондиночку на вечеринке, а через час и не вспомнить, как ее звали. А теперь, как пришибленный, разглядываю кожу этой русской и сам себя боюсь.

Мне значительно лучше. Особенно при виде ее хрупкого тельца, облаченного в тонкий шелковый костюмчик, не способный скрыть округлостей и изящных линий. Но, пожалуй, не стоит признаваться в этом прямо сейчас. Чувство вины – отличный рычаг давления.

– Ты пыталась убить гражданина США, – говорю насмешливо. – Это очень серьезно.

Пару секунд смотрю на то, как расширяются от ужаса ее зрачки, затем разворачиваюсь и иду к раковине. Уборная здесь совмещена с ванной, как и все уборные у нас в особняке, только вот она меньше раза в три и, похоже, единственная во всем доме. Включаю воду и наклоняюсь, чтобы попить.

– Подожди, стой. – Зоуи подходит сзади и опускает рычажок крана вниз.

Она кажется не на шутку встревоженной.

– Джастин, у нас не пьют... – Не может подобрать слов, поэтому просто показывает пальцем на кран. – Подожди, я принесу воды из кухни. Там фильтр.

– Окей, – соглашаюсь.

Зоуи убегает, а я не могу удержаться от того, чтобы не посмотреть ей вслед. Затем снова включаю воду и несколько раз ополаскиваю лицо. Прохлада быстро приводит меня в чувство, да и дышится уже гораздо легче. Смотрю на себя в зеркало, с досады качая головой.

Вспоминаю Челси... В детстве сестра повсюду ходила за мной хвостом, а я только и делал, что искал способы избавиться от нее. Теперь мы выросли, и мне впервые хочется узнать ее поближе, понять, поговорить, спросить совета, но она далеко. Между нами тысячи километров. Я совершенно потерял и не знаю, как поступить.

Беру полотенце с вешалки, сажусь на край ванны и неспешно обтираю лоб, щеки, шею. Когда моя маленькая коварная мучительница возвращается, на ее щеках вновь горит привычный румянец. Так ей идет больше, чем с нездоровой бледностью от испуга.

– Держи. – Она подает мне воду, кладет какие-то коробочки на край раковины, затем садится рядом и переплетает свои тоненькие пальчики в замок. Дождавшись, когда я сде-

лаю пару глотков, торопливо говорит: – Прости меня, я так виновата... Вот тут лекарства. Надеюсь, помогут.

Ставлю стакан рядом с таблетками.

– Не расстраивайся из-за ерунды. – Замолкаю на пару секунд, чтобы прислушаться к своему организму. Кажется, позывов к рвоте больше нет. – Я парень крепкий, все в порядке.

– Нет, – она размыкает руки и закрывает ладонями лицо, – я же тебя заставляла. Столько непривычных продуктов... И вообще... Предполагалось, что ты просто попробуешь то, что сам захочешь...

– Так я все-таки не понял, – вытягиваю ноги и тяжело вздыхаю. – Ты огорчилась, что мне не хочется у вас остаться, – шутливо толкаю ее плечом, – или решила таким способом быстрее от меня избавиться?

Зоуи стонет в ладошки. Бормочет:

– Прости, прости, прости...

– Было вкусно, – хмыкаю, – но думаю, именно сырая рыба во всем виновата.

– Соленая, – всхлипывает она, убирая руки от лица.

– Ну, то есть не вареная? Не печеная, не жареная?

– Нет. – Ее плечи печально опускаются.

– Значит, сырая.

– Нет, она соленая. – Голос Зоуи звучит жалобно и надломленно. Даже ужасный акцент кажется теперь таким же милым, как и ее чувство вины. – Это другое. Такую рыбу можно есть.

– Я должен был предупредить, что у меня слабый желудок, но твоя мама так радовалась...

Она впервые улыбается. Сдержанно, робко, но мне хватает и этого. Ее улыбка просто очаровательна.

– Спасибо, что проявил к ним уважение. Даже больше, чем нужно. Я не ожидала, что ты вообще станешь что-то проговаривать.

– Ну, извини, так уж воспитан. Даже если по мне этого не скажешь.

Грудная клетка Зоуи высоко поднимается на вдохе, и я ловлю себя на мысли, что не могу оторваться от выреза на ее топе.

– Это ты меня прости... Мы не такие. И я... – вздыхает девчонка, – вроде... Просто что-то сегодня пошло не так.

Тереблю в руках полотенце, затем вешаю его на плечо.

– Не думаю, что мой план по срыву программы обмена должен сильно отразиться на твоей репутации, но если это так, извини, другого выхода у меня нет. Моя цель останется прежней – улететь домой.

– Ничего. – Зоуи поджимает ноги, кладет руки на дрожащие колени. – Негативную оценку как принимающая сторона я теперь заслужила в полной мере. Чуть не отравила тебя. – В отчаянии опускает голову.

Волосы блестящими прядями падают ей на лицо, и мне почему-то очень хочется дотронуться до них и снова убрать за ухо.

– Ладно, все, – говорю, прочистив горло. – Мне уже хорошо. Пойду заниматься своими делами.

Встаю, закидываю полотенце на вешалку и выхожу, не оборачиваясь. Мы и так слишком мило поболтали. Не хватало еще привязаться к людям, гостеприимством которых я собираюсь пренебречь.

Зоя

Мне так и не удалось нормально выспаться сегодня. Крутилась в постели почти до рассвета, время от времени проверяя телефон, и никак не могла отогнать от себя дурные мысли. В голове все перепуталось, и виной этому был парень, который спал в соседней комнате. Точнее, мое отношение к нему: негативное или положительное – вот тут никак не получалось определиться.

Наглый, временами даже хамоватый, с колючим недоверчивым взглядом, он казался таким далеким, чужим и непонятным. Но там, в ванной, когда мы сидели так близко друг к другу, между нами целых пять минут не было совершенно никаких барьеров. Мы просто разговаривали. Тон его голоса был мягким, добрым и больше не казался насмешливым.

Едва мне показалось, что общий язык найден, как Джастин резко встал и вышел, оставив меня одну, утопающую в чувстве вины и недоумении. Вот и понимай как хочешь. Что у него там на уме...

Встаю с постели и выключаю будильник. Потягиваюсь, затем проверяю телефон – от Славы до сих пор ни весточки. Наверное, еще устраивается на новом месте. Надо бы написать ему сообщение, чтобы не налегал в первый день на мексиканскую пищу, а то его ждет судьба нашего американского гостя.

Долго думаю. Затем просто пишу «Доброе утро» и отправляю. Подхожу к окну. Солнце светит еще по-летнему ярко, но все больше и больше деревьев укрывается покрывалом из золота. Листья желтеют, наливаются янтарным и медовым, красным и даже шоколадно-коричневым цветом. Мне становится жалко, что скоро вся эта красота облетит, оставив ветви голыми, и осень уступит место зиме.

Убираю спутанные волосы за уши, надеваю мягкие тапочки и плетусь, полусонная, в ванную. В коридоре тихо. Из комнаты брата доносится негромкая музыка. Немного помедлив возле двери, пытаюсь подслушать, что за мелодия, но, так и не узнав ее, иду дальше. Подавив зевок, включаю в ванной свет и замираю у зеркала. Боже, кто это? Лицо припухло, волосы похожи на птичье гнездо, глазенки маленькие, точно две крохотные точки на фоне массивного носа. Да тебе не мешало бы выспаться... Включаю кран, наклоняюсь, набираю в ладонки воды и несколько раз умываюсь. Прохлада быстро приводит кожу в тонус, а меня в чувство. Беру щетку, выдавливаю на нее пасту, кладу в рот, выпрямляюсь и едва не взвизгиваю – за моей спиной стоит Джастин.

– Ой. – Щетка чуть не вываливается у меня изо рта.

На американце из одежды опять лишь спортивные штаны.

– Прости. – Он смущенно помахивает перед моим лицом электрической зубной щеткой. – Ты забыла закрыться. Я только возьму пасту и уйду.

Прочищаю горло.

– Ты мне не мешаешь, – отступаю на шаг вправо, чтобы он мог подойти к раковине.

Внимательно слежу за каждым его движением и чищу зубы. Руки, как назло, совершенно отказываются мне подчиняться. Господи, как там? Вверх, вниз, вверх, вниз, по часовой стрелке. Зубная паста непривычно остро морозит внутреннюю поверхность щек, сильно пенится и попадает в горло.

Джастин, стоя плечом к плечу со мной, включает свою щетку. Теперь мы чистим зубы вместе, глядя друг на друга в зеркало.

Он чертовски высокий. Там, где виднеется моя макушка, начинается его плечо. Я для вида шевелю во рту щеткой, правда все медленнее и медленнее, воровато разглядывая каждую мышцу на его груди, сильные бицепсы и загорелую кожу.

Американцу не приходится так активно орудовать щеткой во рту – щетинки вращаются сами. Поэтому, пока я активно шевелю рукой, он просто стоит и пялится на меня, прищулив глаза. Не могу понять, какие эмоции скрывает этот холодный

взгляд?

Сплевываем мы синхронно. Я открываю кран, смываю пену, закрываю и выпрямляюсь. Игра продолжается. Мы молчим, чистим зубы и переглядываемся через зеркало. Никто из нас не знает, что это значит и когда должно подойти к концу. Но мы снова сплевываем, выпрямляемся и чистим.

С первого этажа доносится звук телевизора и – с кухни – мамин голос. Мне становится не по себе. Если папа поднимется, ему вряд ли понравится, что мы с Джастином находимся в ванной комнате вместе, да еще и в таком виде. Честно, я в этой пижаме даже перед братом стесняюсь появляться.

Чистим.

Еще немного, и мои десны не выдержат. Это должно уже когда-нибудь закончиться. Не знаю, как там у них в Америке, но мои русские зубы были чистыми еще пять минут назад. Снова синхронно сплевываем, выпрямляемся, и я вижу на губах Джастина легкое подобие улыбки. Мы обмениваемся многозначительными взглядами и одновременно как по команде споласкиваем щетки под напором воды.

Наши кисти нечаянно соприкасаются. У меня перехватывает дыхание. Нужно бежать. Срочно спастись бегством. Мамочки...

– Спасибо за компанию, – говорю торопливо, бросаю щетку в стакан, обхожу его и удаляюсь прочь.

Ужасно хочется обернуться, но я и так знаю, что он смот-

рит мне вслед. Когда же я все-таки поворачиваю голову и смотрю через плечо, дверь в ванную комнату уже закрыта и оттуда доносится звук льющейся воды – Джастин решил принять душ.

– Бедный мальчик, – причитает мама, накрывая на стол. Мой рассказ о вечерних приключениях американца стал для нее откровением, – а ведь как хорошо кушал, мне даже жаль было его одергивать. Так и знала, что что-то подобное может случиться.

– Ой, да ладно, не преувеличивайте. – Сидя перед телевизором, отец смотрит на часы. – Он ведь мужик. Подумаешь, вырвало.

– Он так же сказал, – замечаю я, наливая чай в свою любимую кружку с зайцем.

– Вот. Мужик! – кивает папа, не отрываясь от экрана.

– Доброе утро, сэр, – вдруг раздается со стороны лестницы.

Мы все оборачиваемся.

– О, Джастин, гуд монинг, сынок, – улыбается папа.

– Гуд монинг, – вторит мама.

А у меня глаза на лоб лезут. Парень уже успел переодеться в джинсы, белую футболку, толстовку и даже, кажется, причесался. Его волосы все так же взлохмачены, но теперь лежат нарочито небрежно.

– Как тебе спалось? – спрашивает мама на английском.

И я замечаю у нее на столе листок с русской транскрип-

цией нужного предложения. Подготовилась. Только вот как она собирается понять ответ?

– Все хорошо, мэм. Спасибо. – Джастин показывает «палец вверх» и немного теряется между кухней и гостиной.

– Садись, позавтракаем, – приветливо указываю ему на стул.

– Эм... – В его глазах мелькает паника.

– У нас есть хлопья, – улыбаюсь я. – Если вдруг тебе хочется чего-то привычного.

Его взгляд продолжает растерянно блуждать по комнате.

– О, это английская премьер-лига, сэр? – Зрачки американца расширяются.

Папа, кажется, даже разобрал в его речи несколько знакомых слов.

– Э... – Поймав взгляд американца, устремленный на экран, он кивает: – Да-да, «Манчестер Юнайтед» – «Ливерпуль». – Хлопает по дивану рядом с собой: – Ты, садись-садись. – Поворачивается к нам: – Девочки, тащите все сюда.

Джастин садится рядом с папой, и оба с неподдельным интересом начинают наблюдать за игрой.

Мама вздыхает. Я понимаю, о чем она сейчас думает. С тех пор как отец со Стёпой поссорились, футбол стал в этой семье запретной темой.

– Кофе, – говорю я, ставя на журнальный столик чашку с тарелкой, – и пирог, – не придумав лучше названия для манника.

– Спасибо, – бормочет американец, не отрываясь от телевизора.

Им с папой явно хочется обменяться мнениями по поводу происходящего на поле, они периодически переглядываются, взмахивают руками, но объяснить не могут – языковой барьер. Мы с мамой пьем чай и молча наблюдаем за ними. Кажется, Джастину нравится манник. Я тревожно смотрю на часы и все еще не знаю, чего ожидать от этого дня.

– Нужно ехать, а то опоздаем, – наконец говорит отец и встает. – Буду ждать вас в машине.

– Хорошо.

Когда он выходит, мы все начинаем собираться. Я накидываю ветровку, беру сумку и спрашиваю Джастина:

– Ты взял документы? – Ему ведь нужно оформиться сегодня в университете.

– Угу, – бросает он, проходя мимо.

– Мой отец отвезет нас.

Он надевает кроссовки и поворачивается ко мне:

– А ты сама разве не водишь автомобиль?

– Я? – пожимаю плечами. – Нет. Мне вообще нравится ходить пешком и любоваться природой.

– Пешком? – на его лице написано недоумение.

– Да, – улыбаюсь, – здесь недалеко. Обычно я добираюсь до места учебы минут за двадцать.

– Оу, – выпячивает губу и кивает, хотя явно скептически отнесся к услышанному.

Правильно, чем здесь любоваться, в России?

Мы выходим, мама закрывает дом на ключ. Дружно садимся в машину.

– Первый день в универе, – бодро говорит отец, глядя на Джастина в зеркало заднего вида, лениво развалившегося на сиденье. – Тебе понравится, вот увидишь.

– Что он сказал? – спрашивает гость.

– Что ты быстро освоишься на новом месте, – отрываюсь от созерцания осени за окном.

– Угу. – Джастин тоже утыкается лицом в стекло, за которым резкий порыв ветра срывает листья с деревьев, и те разлетаются по воздуху в разные стороны.

– Ну, удачи, ребята! – бросают родители нам на прощание.

– Спасибо, – отвечаю, закрывая дверцу.

А Джастин, кажется, их уже не слышит. Он сосредоточенно разглядывает все вокруг: дома, улицы, людей, птиц на тротуаре.

– Ну, ты готов? – тереблю ремень сумки.

Американец перестает вращать головой по сторонам и смотрит вслед удаляющейся машине моего отца.

– Да, – кивает он и убирает руки в карманы. – Тебе счастливо отучиться, а я пошел.

– Что? – судорожно сглатываю я.

Мимо нас проходят группы студентов, спешащих на пары.

Американец хмурится, пинает носком кроссовки желтый

лист:

– Пойду посмотрю достопримечательности.

Я набираю в грудь больше воздуха:

– Ты не пойдешь со мной в университет?

– Нет. – Ухмылка, очевидно призванная выглядеть как улыбка, выдает его нервное состояние. – Скажешь им, чтобы отправляли меня домой, потому что учиться здесь я не собираюсь. Ясно?

Стою на краю дороги и растерянно хлопаю ресницами. Хотя чего удивляться? Он предупредил меня об этом, как только приехал.

– Счастливо, Зоуи.

– Но... – осекаюсь, когда он поворачивается на пятках и уходит в противоположную сторону. – Ты же потеряешься...

– Не переживай, у меня есть записка с адресом, – отвечает он, не оглядываясь, и ускоряет шаг.

Я так и стою на месте, наблюдая, как парень закуривает, выпускает струю дыма изо рта и быстро исчезает за углом здания. Меня начинает знобить, а внутри все сжимается от предчувствия надвигающихся неприятностей.

Через пару минут я все-таки отхожу от замороженного состояния и бреду вдоль главного здания универа. Смотрю по сторонам в надежде увидеть высокую фигуру в темной толстовке и облаке сигаретного дыма, но среди десятков студентов, разгуливающих между корпусами, так и не нахожу нужного.

Смылся.

Вот же дурень. Он все еще с американским номером, который я не знаю. Мы даже не успели приобрести ему местную симку. Не представляю, что он будет делать один в незнакомом городе. В чужой стране. Самоубийца!

И почему я чувствую себя виноватой?

Прячу руки в карманы и плетусь в здание, с трудом отрывая ноги от асфальта. Мне нужно посоветоваться с ребятами. Они обязательно что-нибудь подскажут. Как поступить? Как объяснить случившееся руководству? Родителям?

Смотрю на круглые часы, висящие в фойе. Пятнадцать минут до пары. Тяжело выдыхаю и обвожу глазами первый этаж. Кажется, мне налево. Через пару минут блуждания по коридорам нахожу наконец нужную аудиторию и вхожу.

Наши, как обычно, рассредоточились на «могучие кучки» и болтают каждый о своем. Мажорики возле окна громко обсуждают вчерашние гонки за городом, их девушки (наша «элита») во главе с Викторией Старыгиной шепчутся о чем-то необычайно интересном – о какой-нибудь новой сплетне, разумеется. Остальные рассредоточились по аудитории и уткнулись в свои гаджеты.

Разумеется, здесь никому и дела нет до учебы. Дипломы нужны всем только в качестве «бумажки», будет – и замечательно. Работу все равно искать не придется: мама с папой устроят у себя под теплым крылышком. Иностранный язык интересен только мне. Ну, и, может, еще Машке Суриковой.

А вот и она. Точнее, они – с Димой.

Ребята входят в аудиторию, и шепот замолкает. За лето никто, очевидно, так и не привык, что эти двое теперь вместе. Скромная девочка-тень из обычной семьи и татуированный красавчик – сын владельца крупной сети кафе нашего города. Но это, пожалуй, самый гармоничный и крепкий союз из всех, что я знаю. И да, про таких ребят нужно не рассказывать, а книги писать.

С Машей никто не общался, ее практически не замечали в группе до появления новенького – Димы Калинина. Трудно сказать, почему так вышло. Просто она приходила, садилась на свое место, а после занятий сразу уходила. Мы не лезли к ней в душу, а Маша – к нам. Так бы и продолжалось, если бы в один прекрасный день татуированное чудо ростом под метр девяносто не появилось у нас на паре. Все с ума сходили от новенького, девчонки будто с цепи сорвались: бегали за ним, приглашали на свидания, прихорашивались. Вика даже бросила Игоря, своего верного ухажера, сделав ставку на богатого наследника-неформала. Но Дима сразу сел за парту к нашей Машке и больше уже не отходил ни на шаг.

Если честно, мне ужасно нравится смотреть на них. Их союз сродни смешению стихий. Калинин со своей неумейной энергией будто вытащил Машку из ее скорлупы, вселил уверенность, и та расцвела. Ну а Сурикова, в свою очередь, стала для этого парня спасательным кругом, вырвавшим его из прошлой малопривлекательной жизни.

Вот я со Славкой никогда так не смотрелась. Даже завидно немного. Мы с ним оба серые. Просто учились вместе, просто дружили и даже встречаться начали просто так – потому что все наши знакомые разделились на парочки, а нас с ним осталось двое. Никаких стихий. Никаких сбивающих с ног чувств. Тихо, спокойно, уютно.

– Приве-е-ет! – восклицает с порога Дима и протягивает мне ладонь.

– Привет...

Отбиваю «пять», и он сразу спешит поздороваться с парнями. Машка подходит ближе, крепко обнимает меня. Теперь, кажется, и остальные обратили внимание на наше появление.

– Ой, Зойка! – машет мне Вика. – А где же Челси?

Ее подружки, косясь на нас, продолжают перешептываться.

– Не приехала, – пожимаю плечами.

– Да? Жа-алко.

Но на ее лице написана совсем не жалость. Вика рада. Потому что недавно кто-то из наших парней, глядя на фото Челси, говорил, что она симпатичная, а конкуренции Старыгина не потерпит. Поэтому и подруг себе подобрала под стать – вылитые курицы, только крашенные. Диана – в розовый, Танька – обесцвеченная блондинка с густыми черными бровями. Вроде при деньгах, а вкуса у обеих никакого.

– Пойдем. – Маша тянет меня в сторону.

Мы садимся и отворачиваемся от всех.

– Ну, что? – спрашивает она, распахивая глаза широко-широко. – Проводила Славку?

Воздух из меня вылетает, как из спущенной шины.

– Ага.

– Ох, бедная, не расстраивайся так. – Она гладит меня по плечу. – Уже скучаешь, да?

– Ну... –жимаю плечами. – Конечно, скучаю.

– Жалеешь, что отпустила?

– Не-е-ет, – говорю неуверенно.

– Слушай, а что за история с Челси? Вроде все было обговорено, ее здесь ждали.

– Ох, это... – кладу руки на стол и роняю на них голову. – Вместо Челси приехал ее брат Джастин.

– Что? – оживляется Машка. – Правда? И где он?

– Маш, это такая длинная история...

Рассказываю все по порядку, присоединившийся к нам Дима тоже внимательно слушает.

– Ну, и как он? Как? – Из-за спины Калинина вдруг появляется голова Вики.

И как только не стыдно подслушивать!

– Что «как»? – хмурюсь.

Она рисует пальцами в воздухе, пытаясь что-то изобразить.

– Какой он? Красивый?

Маша, бросая в сторону Вики тяжелый взгляд, вздыхает.

– А что? – возмущается Старыгина, хитро улыбаясь. – Нормальный вопрос.

– Не знаю, – говорю я, – парень как парень. – Чувствую, как мое лицо затягивает предательский румянец. – В его присутствии мне кажется, что я совершенно не знаю языка. Пытаюсь что-то говорить, и он, кажется, даже понимает. Но смотрит так, словно ему все время хочется надо мной посмеяться.

– Ну, это точно глупости, – замечает Дима. – Мне кажется, у тебя лучший английский на нашем потоке. – Поворачивается к своей девушке: – Если не брать в расчет мою Марию.

– Господи! Что это?! – чересчур восторженно взвизгивает Вика, хватая Машкину руку.

Вытягиваю шею, чтобы тоже посмотреть.

– Это... – теряется Сурикова, пытаюсь отдернуть руку обратно.

– Божечки! – охает Старыгина, рассматривая бриллиант на Машкином пальце.

– Я сделал вчера Маше предложение, – поясняет Дима и притягивает растерянную подругу к себе. – Зимой у нас свадьба.

Вике с трудом удастся подавить вспыхнувшую зависть и натянуть на лицо картонную улыбку.

– Поздравляю! Какие вы молодцы!

– Спасибо. – Маша смущенно отводит взгляд, принимаясь доставать тетради из сумки.

– Что там? Что там? – охают Викины подружки.

– У нашей Маши кольцо!

Улей кипит. Слюна Вики брызжет в разные стороны.

В этом шуме я наклоняюсь к подруге и тихо говорю:

– Маш, я очень рада за вас.

– Спасибо... – Она поднимает взгляд от сумки и благодарно кивает.

В аудиторию входит преподаватель, и все рассаживаются по местам. Я сажусь позади Димы, чтобы не привлекать внимания. Больше всего боюсь вопросов об американце. Но их не случается: лекция начинается рутинно, продолжается так же скучно и монотонно и заканчивается только через пару часов.

Как раз в тот момент, когда я собираюсь спросить у друзей, как лучше поступить с исчезновением гостя, у меня в кармане вибрирует телефон. Достая и смотрю на экран. Сообщение от Славы: «Зоя, мне пока некогда. Бонита, дочка хозяев, показывает мне океан. Встретимся в «Скайпе» вечером. У меня уже будет утро:»».

Долго гипнотизирую глазами дисплей, затем пишу:

«Как дела?»

Телефон снова вибрирует, улыбаясь, открываю сообщение, но на этот раз оно от брата.

Стёпа: Привет, я сейчас с Челси. Она приехала проведать меня из общежития.

Я: Как ты устроился?

Стёпа: Здесь круто.

Я: Джастин живет в твоей комнате.

Стоит ли пугать их тем, что он удрал?..

Стёпа: Тогда у меня к тебе будет просьба.

Я: Какая?

Стёпа: Нужно кое-что перепрятать.

Я: Пиво? Травка? Что-то хуже?

Стёпа: В шкафу, в коробке из-под обуви. Выкинь, пожалуйста, пока папа не увидел.

Внутри все холодеет, когда я понимаю, о чем идет речь.

Я: Стёпа! Как ты мог?! Почему ты не выкинул их раньше?!

Стёпа: Не знаю. Прости...

Я: Ты собирался вернуться к этому? Ты же обещал! Мне, маме, отцу!

Стёпа: Больше никогда, клянусь. Просто найди и уничтожь.

С силой сжужу зубы, выключаю телефон и принимаюсь массировать пальцами виски. Что ж за день-то такой?! За что мне все это?

Джастин

Если в мире где-то существует умиротворение, то оно не во мне. Далеко от меня. В моей груди сейчас пылает адский пожар. Голову будто тисками давят: «Что делать? Что де-

лать?!» Самое время для гениального плана, но его все нет и нет. Внутри нарастает паника.

Эта страна, этот город, эти люди – совсем не то, что я хотел. Сам загнал себя в угол. Я в тупике. Все дороги все равно ведут к отцу, который непременно скажет: «Во-о-от, я же говорил тебе, кусок дерьма, ты без меня никто. Засунь уже свои желания себе в задницу и действуй, как я скажу!»

Ни за что. Я не сдамся. Только не снова. Не в этот раз.

Я уже второй час блуждаю по улицам в поисках магазина, где можно было бы купить адаптер. Мое зарядное устройство с простой американской вилкой, а в этой стране, будь она неладна, розетки совершенно другие. Аккумулятор на телефоне практически разряжен и вот-вот сдохнет, а я ругаю себя, что не попросил помощи у этой девчонки, Зоуи.

Да. Жалко было смотреть на нее, обреченно стоящую у здания университета. Похоже, она все воспринимает всерьез: глазищи огромные, перепуганные, нижняя губа дрожит. Может, правильнее было бы договориться с ней, а не пугать своим побегом, но мне необходимо побыть одному, чтобы все обдумать.

Докуриваю сигарету и понимаю, что за последние полкилометра не видел еще ни одной урны. Окурок обжигает пальцы. Матерюсь и сворачиваю к какому-то парку, там скамейки и ящики для мусора почти на каждом шагу.

Сажусь на первую попавшуюся скамью, прячу руки в карманы и долго наблюдаю за неспешно прогуливающимися

людьми. Многие из них разодеты так, будто собрались отмечать какой-то праздник, надели самое лучшее, нацепили сразу все украшения. Особенно женщины в возрасте: обильно накрашены, прически уложены лаком. Вот только никто не улыбается. Идут, смотря себе под ноги. Ни до кого им дела нет.

Правда, молодежь здесь выглядит более расслабленно. Светлые лица, удобная одежда ярких цветов, а тон их разговоров кажется веселым и непринужденным. Девчонки, проходя возле моей скамьи, поглядывают и хихикают. Это не злой смех, скорее дружелюбный, с долей смущения и заинтересованности.

Опускаю взгляд на кружащиеся по асфальту листья, наклоняюсь, беру в руку один, вытягиваю перед собой и долго рассматриваю. В кармане опять звонит телефон. Если мама будет так настойчиво трезвонить, она окончательно посадит мне мобильный.

Достаю смартфон и долго туплю, рассматривая экран. Рука предательски дрожит, зубы сводит, точно от зубной боли. «Фло» – написано рядом с фотографией миловидной брюнетки.

– Что? – спрашиваю наконец, снимая трубку.

– Не очень-то ты рад меня слышать, – говорит она.

Я представляю, как Фло капризно надувает губки. Всегда так делает, когда хочет добиться желаемого.

– Ты что-то хотела? – Пальцы свободной руки сами сжи-

маются в кулак.

– Слушай, Джаст... – она вздыхает, – видела сегодня твое фото. Оттуда, ну, из этой дыры...

Оглядываюсь по сторонам. Теплый ветерок тихонько катит по асфальту охапку желто-красных листьев, кроны деревьев колышутся, поливая все вокруг приятным расслабляющим шуршанием.

– И?.. – начинаю терять терпение.

Неужели позвонила, чтобы посочувствовать? Так мне всего этого дерьма не надо. Обойдусь уж как-нибудь.

– Знаю, ты сейчас будешь психовать, но я все равно скажу.

– Валяй, – рычу я.

– Я знаю, как все уладить.

– Что именно?

– Я поговорю с твоим отцом, и он вернет тебя домой. Подожди, не отвечай. – Ее голос слегка дрожит. – Тебе придется принять его условия, но ведь мы с тобой снова будем вместе, а это самое важное.

– Фло, мы с тобой расстались! – цежу сквозь зубы. – Напомнить, из-за чего?

– Джастин, не будь столь категоричен. У нас с тобой просто небольшие разногласия. Все можно уладить.

– Ты поставила мне ультиматум! Либо я с тобой и возвращаюсь в бейсбол, либо иду к черту.

– Я просто думала о твоём будущем! О нашем будущем!

Меня захлестывает новая волна негодования.

– Ты говоришь, как мой отец. Вам обоим нужно все контролировать, всем диктовать свои условия. А кто-нибудь из вас интересовался, чего хочу я?

– Джастин, это все блажь. Ты же взрослый парень. После окончания учебы тебя ждут в Национальной лиге. А ты собираешься просто подарить свое место кому-то?

– А ко мне... Ты ко мне хоть что-то чувствовала, Фло? Забудь сейчас о бейсболе, о бабках! – сжимаю крепче телефон. – Я! Что я для тебя значу?

– Джаст... – Она не может подобрать нужных слов.

А ведь все давно уже ясно. Мы были вместе только потому, что наши родители много лет подталкивали нас друг к другу. Не было никаких чувств.

– Джастин, я люблю тебя.

– Хм, – усмехаюсь. – Ну, тогда к чему нам условия?

– Не будь дураком! Ты сам все прекрасно понимаешь! Твой гребаный соккер в этой стране никому не нужен, ясно? Бросай эту дурь. Я поговорю с твоим отцом, и ты сможешь вернуться.

– Нет, Фло, – шумно выдыхаю. – Мне незачем возвращаться. Пока.

И едва я успеваю сказать это, как в трубке становится тихо. Экран гаснет. А у меня в душе вместо пожара теперь бушует настоящий ураган. Срываюсь с места и быстрым шагом иду по дороге. Выхожу на какую-то оживленную улицу и дергаю дверь в первое попавшееся заведение.

– Кофе, пожалуйста, – бросаю официанту.

Парнишка долго смотрит на меня, затем достает блокнот и уточняет:

– А... американо?

– Эм... Окей, – киваю и достаю из заднего кармана джинсов мятую двадцатку. – И пачку каких-нибудь сигарет.

Сажусь за свободный столик и понимаю, что в помещении воцарилась оглушительная тишина. Мало того что посетители прекратили общение меж собой, так еще и официант уставился на меня, как на пришельца.

– Что? – спрашиваю. – Кофе. Сигареты. Пожалуйста.

Может, у меня в волосах листья запутались? Вряд ли.

– Онли... – блеет парнишка, указывая в мою двадцатку кончиком шариковой ручки. – Онли... рашн мани, – виновато улыбается, затем добавляет: – Плиз.

Вот же черт. И как мне это сразу в голову не пришло? И что теперь делать?

Шарю по карманам, достаю папину кредитку. Долго смотрю на нее и затем прячу обратно. Не потому, что процент за обмен банк возьмет бешеный – это все ерунда. А потому что он сказал, что я без его денег не проживу. Мне хочется доказать обратное.

– Простите, – встаю, убираю деньги в карман.

Придется уйти.

– Нет-нет, подождите, – раздается со спины низкий мужской голос. – Я заплачу за вас. Можно?

– Не стоит, – качаю головой, разглядывая его.

Незнакомец говорит с легким акцентом. Ему около сорока, он прилично одет, у него модная стрижка и хорошие, дорогие часы.

– Садитесь, пожалуйста. – Он улыбается, затем поворачивается к официанту и что-то быстро говорит по-русски. Парнишка, кивнув, убегает выполнять заказ. Мужчина склоняет голову набок в легком полупоклоне: – Мне приятно было помочь вам.

– Спасибо... – теряюсь я.

– Дальше по улице имеется обменный пункт, можете воспользоваться им, чтобы не попадать в такие ситуации.

– О, благодарю.

– Турист? – оглядывается он, вставляя свою карту в терминал за барной стойкой.

– Вроде того.

Мужчина понимающе улыбается.

– Ну, тогда счастливого пребывания в России! – убирает карту в кошелек, салютует мне, как военный, и, развернувшись, уходит.

– Спасибо, – говорю я его спине, которая еще видна сквозь прозрачную дверь.

А здесь живут довольно милые люди. Надо же.

Все продолжают пялиться, поэтому я прочищаю горло и поворачиваюсь к телевизору, висящему на стене. Смотрю на экран внимательно, будто все понимаю и боюсь пропустить

что-то важное. Кажется, идет какое-то шоу про врачей, потому что в зрительный зал затаскивают огромную вагину, обшитую розовой тканью. Двое мужчин в карнавальных масках, радостно размахивая руками, изображают кого-то вроде защитников организма, прогоняя микробов, а люди в голубых форменных халатах и еще одна женщина рассказывают что-то с серьезным видом.

Благодаря им интерес ко мне быстро ослабевает, и дышать становится легче. Посетители кафе хихикают, поглядывая на экран, затем канал меняется на музыкальный. Кофе, принесенный официантом, оказывается не так уж плох. Чего не скажешь о сигаретах. Выйдя из кафе и едва закурив на крыльце, я сплевываю – их будто нарочно духами облили. Как они это курят?

Проявляя упорство, все-таки докуриваю эту мерзость по пути в обменный пункт, который... так и не нахожу. Несмотря на то что многие вывески пестрят иностранными названиями, нужное мне не появляется. Зато, свернув куда-то с главной улицы, я вдруг натываюсь на целый комплекс спортивных сооружений: стадион с искусственным покрытием, рядом поле поменьше, беговые дорожки, спортивные снаряды, перекладины, тренажеры за ограждением.

Двигаюсь медленно, обхожу стадион вдоль сетки по кругу. Вокруг никого. На поле – тишина. Направляюсь к дальней маленькой площадке, где несколько парней играют в так называемый «квадрат». На них зауженные спортивные шта-

ны, голубые футболки с какой-то надписью на спине, белые носки и бутсы.

Они не выглядят профессиональными игроками, это заметно по поведению: явно не тренировка, парни просто прикалываются, гоняя в квадрате двух «зайцев», то есть водящих игроков, которые пытаются отобрать мяч. А значит, можно попроситься сыграть с ними.

Едва приближаюсь, в душе просыпается знакомый азарт. И даже невозможность объяснить меня не останавливает. Спорт – это универсальный язык, мощный инструмент укрепления мира и взаимопонимания, который объединяет людей, несмотря на границы, культуры и религии, учит терпимости.

Мяч, отлетающий от ноги одного из игроков и несущийся прямо мне в лицо, прерывает ход моих мыслей. Вытягиваю руки перед собой, растопыриваю пальцы и ловким движением перехватываю его. Игра останавливается, теперь все смотрят на чужака – на меня. Подхожу ближе, опускаю мяч на траву и останавливаю ногой.

– Можно... Могу я... поиграть с вами?

Ребята примерно моего возраста, может, чуть младше. Они подтягиваются, чтобы посмотреть на меня, и никто, кажется, не понимает, что я только что сказал.

– Можно мне, – объясняю на пальцах, – поиграть с вами?

– Америкос? – Это единственное, что мне удастся разобрать, потому что далее идет набор непонятных грубоватых

слов, которые могут обозначать что угодно, от «добро пожаловать» до «пошел к черту».

По их хитрым лицам трудно догадаться, как именно они настроены. Парни долго что-то обсуждают, спрашивают меня о чем-то, но мне приходится лишь знаками давать понять, что я ничего не понимаю.

– Ладно, – наконец говорит один из них, – иди туда.

И указывает на ворота. Они хотят, чтобы я встал в рамы? Окей.

– Tuda, – повторяю на автомате и, счастливый, встаю в створ.

Парни почему-то не спешат делиться на команды. Они собираются возле линии штрафной. Один из них приносит еще пару мячей.

– Эй, а мы не будем играть? – спрашиваю.

Но им, конечно же, совершенно непонятно, о чем я спросил. Не проходит и секунды, как в меня летит первый мяч. Не нужно даже делать шаг в сторону, чтобы поймать его, – они будто специально целятся в меня. Ловлю его, чувствуя тяжелую отдачу в грудь, обхватываю крепко и под свист и смех возвращаю назад.

Удар, плотный и сильный, и в меня летит следующий снаряд. Пытаюсь сгруппироваться, но все равно получаю в живот. Мышцы протестующе ноют. Едва я разгибаюсь и отпускаю мяч, как вижу следующий. Они решили просто меня «расстрелять». Ясно.

Сжимаю зубы и продолжаю принимать подачи. Мячи, летящие с невероятной скоростью, похожи на снаряды. Они оставляют пыль на одежде и синяки на коже. В грудь, в ногу, в плечо – удары становятся чаще и только сильнее. Но я не жалуюсь, не девчонка же. Сам виноват, что согласился. Вот только не ожидал, что они просто решат поиздеваться.

Не успеваю поднимать глаз, едва принимаю один мяч, как выпрямляюсь и получаю вторым. Попадает больно, даже слишком. Юные футболисты ржут все громче, и я опять слышу обидное «америкос». У меня уже скулы сводит от гнева. Думаю, бесполезно пытаться им что-то говорить, но свалить с позором – тоже не вариант.

И я продолжаю обороняться. В какую бы сторону ни отклонялся, мячи летят точно в корпус.

– Гол! Гол! – радостно кричат они.

Звери.

Шумят и свистят, дают друг дружке «пять» и спорят, кто следующий в очереди. Когда мне все это надоедает, развожу руками.

– С меня хватит, – говорю.

Но тут мяч прилетает мне прямо в лицо. Искры из глаз, привкус крови во рту, и я понимаю – разбита губа. Облизываю ее, но совершенно не чувствую – та моментально немеет.

– Все парни, – поднимаю руку вверх. – Может, теперь сыграем?

Но вместо ответа следующий мяч прилетает прямо по яй-

цам. Дружный хор голосов и свист вторит моей нестерпимой боли. Складываюсь пополам и сжимаю зубы, чтобы не застывать в голос. Чувствую, как они по очереди, смеясь, подбадривают меня хлопками по плечу.

– Muzhik. – Это слово они зачем-то повторяют дважды.

Зоя

Я сижу на крыльце. На той самой ступеньке, на которой впервые увидела этого несносного американца. Где он теперь? Жив ли? Что задумал? Куда пошел? Никто, кроме него самого, не знает. Быть может, еще утром нужно было сообщить об исчезновении руководству университета, Челси или моим родителям. Но я этого не сделала. Дурочка.

Теперь сижу на лестнице, провожаю беспокойным взглядом каждый проезжающий мимо автомобиль и сгрызаю заусенцы почти под корень.

Нужно было нам сесть и серьезно поговорить. Нужно было, в конце концов, известить чету Реннер о планах их непутевого сыночка. А если он больше не вернется? Если потеряется? Если попадет в беду? Я, и только я, буду виновата.

В тот момент, когда от страшных мыслей, лезущих в голову, у меня перехватывает дыхание, возле дома останавливается такси. Вскрываю и со всех ног бегу навстречу. Из задней двери выходит Джастин. Его одежда вся в пыли, волосы всклокочены, на губе запекшаяся кровь.

– Расплатись, пожалуйста, – бросает он, проходя мимо меня.

– Что? – От растерянности у меня даже руки опускаются. Американец оборачивается:

– У меня только доллары. – И вразвалочку идет к двери. – Расплатись.

– Сколько мы вам должны? – спрашиваю у водителя, наклоняясь к окну.

У меня трясутся руки.

– Тысяча, – бормочет усатый таксист.

Шарю по карманам, достаю купюру и вручаю ему.

– А... откуда вы его привезли?

– Подобрал недалеко от университета. – Мужчина включает первую передачу, намекая, что разговор окончен.

– Спасибо, – тихо говорю я, делая шаг назад. – Тогда почему так дорого?!

Но автомобиль уже сорвался с места и несется прочь от моего дома. Разворачиваюсь и бегу к двери. Джастин стоит, навалившись на стену, и гипнотизирует взглядом замки.

– Где ты был?! – спрашиваю, чувствуя, как внутри меня тревога перемешивается со злостью.

– Открывай, – безразлично говорит он, указывая головой на дверь.

– Я открою. Только скажи сначала, что произошло? – Протягиваю руку к его лицу, но парень отворачивается. – Что с твоим лицом?

– Я в порядке. Ясно? – Теперь синие глаза мечут в меня молнии.

– А что я скажу родителям? Как объясню твой внешний вид? Где ты был сегодня?

– Ты не сказала им, что я не ходил на занятия? – На его лбу множатся складочки.

– Нет. Никому не сказала.

– Зря. – Он снова отворачивается. – Давай открывай.

– Сначала скажи мне, что произошло!

Тяжелый вздох.

– Все нормально, Зоуи. Просто открой чертову дверь и дай мне пройти!

Его густой бас пугает меня. Съеживаюсь.

– Тебе нужно обработать рану, – говорю надломленно.

– Мне просто нужно в душ.

Я поворачиваю ключ в замке, дверь открывается, и мы входим внутрь. Дома никого, мама вернется через полчаса, не раньше. У нас есть возможность поговорить без свидетелей, но Джастин остервенелю сдирает с ног кроссовки и поднимается вверх. Слышно, как хлопает дверь в комнату.

«Придется рассказать родителям все как есть. Пусть сами решают, что делать с ним дальше».

Снимаю обувь и поднимаюсь к себе. Переодеваюсь. Солнце за окном светит, но уже совсем не греет. Открываю форточку и долго всматриваюсь в окружающий пейзаж. Становится вдруг так одиноко, что хочется выть. Разворачиваю к

себе ноутбук, открываю и включаю музыку.

Слава обещал позвонить утром. Сейчас у них около шести утра. Буду ждать.

Когда на экране начинает мигать входящий видеовызов, в комнату неожиданно заглядывает мама.

– Привет, зайка, а где Джастин?

Все мои мысли только о том, чтобы ответить на вызов, пока он не сорвался.

– У себя должен быть, – машу маме рукой и заношу палец над нужной кнопкой.

– Я заходила, его нет.

– Наверное, он в душе, – предполагаю я.

– Ну, хорошо. Я пойду готовить ужин. – Она пожимает плечами, но не уходит. – Как первый день?

– Все нормально, мама. Расскажу потом, ладно? Мне Слава звонит.

– А... Ну, привет ему.

И скрывается за дверью.

Поправляю волосы, выпрямляюсь и нажимаю «принять вызов».

На экране появляется светлое пятно. Белая стена, рядом окно, на нем жалюзи. Больше ничего. Смотрю, недоумеваю, но вот передо мной наконец появляется Слава. Поправляет одежду, садится и смотрит на меня.

– Привет, – улыбается он.

– Ты постригся? – первое, что приходит мне в голову.

Я даже не сразу узнаю его. Привыкла к волосам, забранным на затылке в тонкий хвостик. К легкой небритости, выпирающим скулам на худом лице. А теперь передо мной сидит едва знакомый человек, коротко стриженный, гладко выбритый и совершенно далекий. Даже голос его кажется теперь чужим и незнакомым.

– Нравится? – спрашивает Слава, поворачиваясь то одним боком, то другим.

– Э... да... – бормочу, – но сколько я ни уговаривала тебя постричься, ты не хотел, а тут...

– Здесь адски жарко! – довольно восклицает он. – К тому же Бонита учится на парикмахера и сделала это бесплатно. По-моему, у нее талант. Да?

– Бонита... – вздыхаю я, стараясь не забывать улыбаться.

– Да. Она милая. – Глаза Славы светятся. – Тебе бы понравилась.

– Не сомневаюсь.

– Точно тебе говорю. – Кажется, он не расслышал сарказма в моей реплике.

– Как ты там устроился? – провожу пальцем по экрану.

Жаль, нельзя провести так по его коже.

– Все замечательно! Сегодня иду первый раз в университет.

– Удачи тебе...

– Я и не переживаю. Бонита сказала, что главное для студентов по обмену – посещать все занятия. А пересдавать эк-

замены потом в случае чего можно будет аж трижды.

Бонита. Бонита. Бонита... Улыбка сползает с моих губ. Становится жутко интересно, что там за девица.

– Как там твои дела? Как Челси? – интересуется мой парень.

Зачем-то вздрагиваю, как от испуга.

– А Стёпа не сказал тебе?

– Что? – Слава хмурится. – Мы с ним еще не виделись.

– Челси не приехала. Здесь ее брат Джастин, – говорю и жду какой-нибудь реакции, но Слава только зевает, глядя на наручные часы.

– Понятно. А так можно?

– Видимо, да...

– И как он?

Действительно... Что бы такого о нем сказать?

– Не знаю... – пожимаю плечами я. – Обычный.

– Ну, ты помогай ему с учебой. – Слава улыбается. – Заодно и английский подтянешь.

– Разумеется, – смущаюсь я, подпирая рукой подбородок.

– Как же я по тебе скучаю... – произносит он мечтательно.

И мне сразу становится так хорошо... Вот он, мой Слава, который умеет одним взглядом успокоить, одним словом поднять настроение.

– И я по тебе... – мурлычу и вдруг осекаюсь, потому что вдруг отчетливо понимаю, что за окном что-то перекрывает поток света с улицы.

Медленно поворачиваю голову и подскакиваю на стуле как ошпаренная. За стеклом, прямо на крыше веранды, проходящей под моими окнами, стоит Джастин в одних шортах... Мамочки, да он же просто в трусах! Недовольно хмурит брови, затем протягивает руку и стучит костяшками пальцев в стекло.

Тук-тук!

Судорожно поворачиваюсь к экрану. Слава улыбается. Поворачиваюсь направо – Джастин хмурится и требовательно стучит в окно. Слева – Слава. Он уже заинтересовался тем, что такое у меня происходит. Справа – Джастин. В трусах. Его стук все настойчивее.

– Что там? – спрашивает Слава, продолжая улыбаться.

Видимо, не замечает растерянность в моих глазах. Я молчу. Но новый стук заставляет меня вздрогнуть. Джастин злится и беззвучно требует его впустить. Выхода нет. Послушно встаю, поворачиваю ручку окна и открываю створку.

Полуголый американец ловко подтягивается, забирается на мой подоконник, а затем, минуя стол, спрыгивает сразу на пол и молча выходит в дверь. Трясущимися руками закрываю окно. Испуганно поворачиваюсь к ноутбуку. Ужас, написанный на лице Славы, заставляет меня покрыться красными пятнами.

– Это. Еще. Что?! – выкатив глаза, восклицает он.

Джастин

Если она думает, что это было смешно, то зря. Посмотрим, как она посмеется, если ее закрыть на крыше в одних трусах в такой ветреный день.

Сжимая и разжимая кулаки, топаю к себе в комнату. По телу разбегаются мурашки. Захожу и громко хлопаю дверь. Бросаю зажигалку на стол, беру спортивные штаны и только принимаюсь их натягивать, как в коридоре раздаются громкие и частые шажки. Топ-топ-топ-топ. А за ними сразу стук: «Бам-бам!» И Зоуи, не утруждая себя правилами этикета, распахивает дверь в мою конуру.

– Что это все значит?! – восклицает она, упирая руки в бока.

Вижу, что мой внешний вид все еще смущает девчонку – щеки розовеют и наливаются красным.

Покачиваясь на одной ноге, натягиваю штанину и делаю вид, что не слышу. Пусть еще помучается. Месть от этого только слаще.

– Мне повторить вопрос? – Зоуи делает решительный шаг вперед.

Лучше бы ей не знать, что мой язык может быть острее бритвы. Я ведь тоже зол. Даю малышке подойти ближе. Еще ближе. Теперь мы с ней смотримся рядом, как огромный сердитый лев и маленький взбешенный кролик. Хотя нет, с этим выражением лица она больше напоминает саблезубую белочку – опасное животное, того и гляди вцепится в глотку острыми зубками.

Беру со стула футболку и неспешно натягиваю.

– Джастин! – Девчонка просто взбешена моим равнодушием. – Это что вообще такое?!

Ее руки, тонкие и цепкие, ложатся мне на грудь и толкают. Но единственное, что я могу чувствовать, это их жар. Тепло каждого маленького пальчика. И силу, потому что меня вдруг поводит назад. Еле удерживаюсь на ногах и смотрю на нее ошарашенно.

Лицо Зоуи напряжено и едва не перекошено от гнева. Она смотрит на свои руки, которые только что толкнули меня, и словно не может поверить в то, что сделала это.

– Ты... Ты... – бормочет она. – Ты такой...

– Что? – спрашиваю, взъерошивая волосы всей пятерней.

– Какого черта сейчас... было? – Зоуи поднимает руку и указывает в сторону своей комнаты. – Я разговаривала по видеосвязи со своим парнем, а тут ты! В трусах! Ломишься в мое окно!

Слова про *ее парня* вдруг неприятно режут слух. Мне должно быть все равно, но что-то внутри вдруг начинает

свербеть, заставляя сжимать челюсти до скрипа.

– Ну, прости, – усмехаюсь, возвышаясь над ней сверху. – Если бы ты не закрыла мое окно, мне бы не пришлось разгуливать по крыше в одних трусах!

– Твое что? – девчонка кажется удивленной. Смотрит теперь то на меня, то на створки окна за моей спиной.

– Ну... ты же меня закрыла, когда я был снаружи. Так?

– Я?! – Теперь она смотрит на меня без гнева. Без ненависти, без раздражения, просто задумчиво, с негодованием.

– Да. Ты, – указываю на зажигалку, которая лежит на столе. – Я после душа вылез в окно, чтобы покурить, а ты пришла и закрыла его.

И тут уголки ее губ ползут вверх. Бросает взгляд на меня, затем в сторону окна и снова на меня.

– Мама спрашивала, где ты. Она зашла в комнату, не нашла тебя и, наверное, решила повернуть ручку. Мы окна открытыми в такое время года не оставляем – холодно.

Зоуи видит мое вытянутое от смущения лицо и начинает беззвучно хихикать. Но уже через секунду прикусывает губу с досады:

– Мой парень в ужасе... Что теперь будет?

У меня в памяти проплывает картинка с каким-то чувачком на экране ее ноутбука. Я даже не помню, как он выглядел, но теперь почему-то становится очень интересно.

– Объяснишь ему как-нибудь, – развожу руками и отворачиваюсь.

Меня такие мелочи мало волнуют.

– Как-нибудь... – тихо повторяет она и тяжело вздыхает. Подходит к окну. – Кому вообще могло прийти в голову вылезать на крышу, чтобы покурить? Это же... – тщательно подбирает слова и наконец выдает: – Сумасшедшая вещь!

Обожаю ее английский.

– Пойдем покажу, – хватаю ее за руку и тащу к окну.

– Net! – вскрикивает она по-русски, а затем переходит на привычный мне язык. – Нет, ни за что! Я... боюсь высоты...

Продолжаю тянуть ее.

– А ты не смотри вниз, – запрыгиваю на подоконник и помогаю ей подняться. Зоуи неохотно подчиняется. – Вот так. Идем, не бойся.

Осторожно спускаюсь на крышу под небольшим уклоном, покрытую мягкой резиной. Чувствую, как дрожит девчонка. Мягко поддерживаю ее, когда она влезает на подоконник вслед за мной. Протягиваю обе руки, собираясь подхватить, но Зоуи не торопится – не доверяет мне. Держится одной рукой за раму, другой за подоконник, аккуратно свешивает вниз ногу.

– Я держу, не бойся.

Тонкое шелковое платишко до колена развевается на ветру, она опасливо озирается по сторонам и придерживает его подол. Читаю ее мысли – хочет скатиться вниз, чтобы спрыгнуть. Так возрастают шансы ободрать ее хорошенькую попку, поэтому, не дожидаясь, когда она наделает глупостей,

беру ее за подмышки, поднимаю и крепко прижимаю к себе.
– Ой! – срывается с ее губ, едва девчонка оказывается в моих руках.

Ее сердце стучит быстро и гулко, ощутимо пиная меня в ребра. Зрачки испуганно расширяются, тонкие светлые реснички хлопают в два раза быстрее обычного, а маленькие кулачки упираются в мою грудь. Невольно вдохнув приятный сладкий аромат у ее шеи, ставлю Зоуи на ноги. Теперь ее глаза как два огромных блюдца – ей и правда страшно.

– Все хорошо, видишь? Посмотри, – улыбаюсь.

Боже, до чего же она забавная. Маленькая трусишка!

Вцепилась пальцами в край моей футболки и застыла. Бойтись даже перевести взгляд с моего лица на что-то другое. Наконец любопытство берет верх, и Зоуи оглядывается. Отсюда, с крыши, открывается прекрасный вид на район. Она должна была знать, ведь из ее окна видно примерно то же самое. Вот только здесь, где над крышей нависает огромная ветка яблони, еще уютнее – так и тянет присесть, чтобы полюбоваться приближающимися сумерками.

Закаты здесь, надо признаться, совсем другие, не как над океаном. В этой стране вообще все другое: солнце, луна, закат, рассвет, небо. Даже Зоуи – она совершенно особенная. Пока я еще не разобрался почему. Но обязательно разберусь.

– Вот, – указываю на маленькую дощечку, уложенную на скате крыши рядом с яблоневой веткой. – Я нашел это здесь.

Мелкими шажками Зоуи приближается к этому импрови-

зированному сиденью. Смотрит вверх, где край крыши нависает над сооружением, создавая козырек от дождя и ветра. Затем бросает взгляд на пепельницу, сделанную из старой консервной банки и прикрепленную гвоздем к стене. Внимательно все рассматривает с открытым от удивления ртом, и я понимаю, что она не знала об этом тайном месте.

Непостижимо.

Зоуи наклоняется, садится на доску, обхватывает колени и молча смотрит вдаль. Присаживаюсь рядом.

– Красивый вид, правда? – выдаю.

– Да, – отвечает она на американский манер. Небрежно проглатывая окончание, и до меня доходит, что девчонка уже невольно копирует мое произношение. Какие-то два дня, а оно вон как – само у нее выходит.

– И удобно, – продолжаю нести бред. – Не нужно спускаться на улицу, чтобы покурить.

– Угу, – задумчиво кивает Зоуи. – Только вот я не знала, что Стёпа... бывал здесь.

Вытягиваю ноги и медленно вдыхаю прохладный вечерний воздух. Опять хочется курить.

– Неловко вышло с твоим парнем.

– Да. Очень. – Она поворачивается и долго смотрит на меня, а затем обхватывает свои предплечья руками, чтобы не мерзнуть. – Где ты был сегодня, Джастин?

Ее взгляд скользит по моему лицу и останавливается на разбитой губе.

– А почему в вашей стране никто не улыбается? – спрашиваю я вместо ответа.

Зоя

Ну, если честно, меня вопрос совсем не удивил. Я ожидала нечто подобное с того момента, как Челси рассказывала мне про «small-talk»: мало того что американцы улыбаются всем подряд, так у них еще действует правило короткой светской беседы. Это когда ты приходишь в магазин, парикмахерскую, стоишь в очереди в какое-то учреждение и общиваешься ничего не значащими бессодержательными фразами со случайными людьми.

Разговоры о пустяках, о погоде, о своей семье – неотъемлемая часть этикета в Штатах и Старом Свете. Поболтать с незнакомыми людьми или кассиром в супермаркете – это проявление вежливости и учтивости. Даже если ты торопишься, даже если нет настроения – обменяться хотя бы парой дежурных фраз приходится.

Для моей страны такое поведение, конечно, непривычно. И это еще мягко сказано. Одно дело, когда ты знаешь продавца в магазине возле дома, и совершенно другое – когда спрашиваешь у первого встречного кассира: «Хэй, привет, как дела? Не правда ли, сегодня ужасно холодно?» Я даже представляю выражение лица, с каким на тебя посмотрят после этой фразы. Самое щедрое, на что ты можешь рассчиты-

вать в ответ, это сдержанное «угу».

И дело тут не в воспитании, а в менталитете.

– Понимаешь, – начинаю я, и меня все еще потряхивает после случившегося во время разговора со Славой, – сначала это кажется грубостью... но, думаю, русские просто более искренни в своем отношении к другим людям. Мы не унылые, мы – серьезные. Нас часто настораживает, если человек улыбается без причины. – Разглаживаю складочки на платье и замираю, когда на мое запястье вдруг садится большая бабочка. Она наряжена в идеально белое одеяние с крупными черными пятнышками, а по краям крылышек, словно кто-то пеплом присыпал, тянется красивая черная окантовка. – Мы не улыбаемся, потому что так нужно или так принято, – говорю с придыханием. – Если русский человек тебе улыбнулся, значит, он действительно хорошо к тебе относится.

Я боюсь дышать. Не хочу, чтобы она улетала. Розовый закат, пробивающийся через ветви яблони, причудливо отражается в узорах ее тонких, хрупких крыльев. Моя рука заметно дрожит. Медленно поворачиваюсь к Джастину. Одними только глазами.

Он тоже смотрит. Завороженно, затаив дыхание. Его рот приоткрыт, черные ресницы подрагивают, привлекая внимание к пытливым зрачкам, блестящим в лучах заката. Когда парень громко сглатывает, его кадык дергается вверх-вниз, и это вызывает у меня улыбку, потому что я, кажется, впервые вижу его таким искренним. Ни морщинки на напряженном

лице, ни самоуверенной ухмылки, ни злости в ярко-синих глазах. Изумление. Чистейшее, кристально прозрачное, открытое, будто и сам он сейчас готов распахнуть душу.

– Вот так? – вдруг спрашивает он, переводя на меня взгляд.

– Что? – хмурюсь я, вновь уставившись на бабочку, хлопающую крыльями, на моей руке.

– Я про твою улыбку, – шепчет он. – Это я ее заслужил? Или махаон?

Встряхиваю головой, потому что моего предплечья касается что-то горячее. Это его рука. Жар рождается где-то глубоко в груди и поднимается выше, ударяя краской в лицо, в шею и даже в уши. Смотрю, как бабочка готовится взлететь, и осторожно втягиваю ноздрями влажный прохладный воздух.

О боги... Джастин так близко, что я почти ощущаю запах геля для душа, исходящий от его кожи. Кедр и бергамот – видела сегодня тюбик на полочке в ванной.

«Что со мной? Почему я думаю о запахе какого-то постороннего парня, когда у меня есть мой Слава? Он далеко, но думает обо мне, скучает, ждет не дождется, когда мы снова встретимся. А тут этот грубиян, его недвусмысленные намеки, губы идеальной формы... Боже, какие губы...»

– Махаон, – говорю одними губами, и бабочка взлетает.

Как же я позабыла это название? Однажды в детстве бабушка показывала мне ее.

– Значит, я еще не заслужил твоей улыбки? – говорит Джастин, выхватывая меня из водоворота опасных мыслей. Мы оба следим за тем, как бабочка, плавно двигая крыльями, улетает прочь.

Поворачиваюсь и гляжу на него через плечо:

– Ты продефилировал перед моим парнем в одних трусах!

Мне дико страшно, что Слава не примет объяснений всей этой ситуации, но я все равно улыбаюсь. Невозможно смотреть в лицо Джастину и сопротивляться его обаянию.

Он опускает голову в ладони, смеется и взбивает пальцами еще слегка влажные после душа волосы.

– Прости, прошу, прости. Куда мне было деваться?

И мы хихикаем вместе, как школьники. Будто и не было еще десять минут назад между нами злости, шока и взаимных претензий.

Я успокаиваюсь первой. Меня опять гложет чувство вины оттого, что при взгляде на этого парня внутри просыпается что-то неправильное, порочное, неизведанное – например непреодолимое желание поцеловать его. Нужно душить в себе на корню. И скорее.

– Джастин, – говорю едва слышно, – расскажи, что с тобой случилось сегодня? Мы же... не враги друг другу. – Вижу его замешательство и тихонько вздыхаю. – Кто сделал это с тобой?

– Что именно? – Он на глазах превращается в ежика. Укрывается своей неприступностью и холодностью, точно

колючками.

Прикусываю нижнюю губу, затем говорю:

– Я о твоём лице.

Джастин не отворачивается. Он долго сканирует меня взглядом, затем улыбается, словно думает о чём-то очень приятном.

– Это я играл в футбол, – признаётся он наконец и улыбается все шире.

Пожимает плечами, давая понять, что ничего серьёзного не случилось.

Но внутри у меня неприятно холодит. Почему слово «футбол» в моей жизни всегда ассоциируется только с кровью, болью и жестокостью?

– Где? – спрашиваю. – Где ты играл?

Я ему не верю. Боится сказать, что его просто избили.

– Не знаю, – закатывает глаза и снова улыбается. – Я куда-то забрел. Большой стадион, искусственное покрытие, трибуны...

Качаю головой. Выдумщик. Мужчинам всегда тяжело признаться, что они получили «люлей», а этот ещё врет так складно да мечтательно улыбается. Точно все мозги ему отбили! Иначе не стал бы потом в одних трусах по крышам бегать.

– Скажи мне правду, Джастин, – прошу, заглядывая ему в глаза. – Кто тебя избил?

– Они меня не били, – отмахивается. Теперь его взгляд

снова серьезен. — Я просто пришел, увидел, как какие-то парни в форме играют, попросился с ними. Ну... и они поставили меня в ворота, устроили что-то вроде проверки на прочность...

Говорит как-то неуверенно.

— Они что, били по тебе мячом?! — говорю я и тут же прокручиваю в голове, что сказала. От ужаса у меня слова в предложения не складываются.

— Да, но потом мы славно поиграли в футбол, так что все нормально.

Мои коленки начинают трястись, руки сжимаются в кулаки. Хорошо, что я сижу, иначе сейчас тихонечко бы скатилась по стеночке

— Кто они? Нужно выяснить, где это произошло, и позвонить в полицию.

Теперь Джастин хлопает ресницами, разглядывая меня в недоумении.

— Вот уж нет, — твердо говорит он.

— Еще хорошо, что ты не попал на... банду, — слово «gang» кажется мне единственно уместным в определении гопников, на которых мог нарваться этот сумасшедший. — Те бы на тебе живого места не оставили, ограбили бы. Тебя ведь не ограбили, нет?

Джастин смотрит на меня снисходительно. Он поджигает губы и странно улыбается, точно хочет пожалеть. Меня это жутко бесит. Переживаю за него, а ему все смешно!

– Все в порядке, Зоуи, – хлопает меня по плечу, и это прикосновение обжигает, как горячие щипцы для завивки. – Мне никто не причинил вреда. Контактный спорт всегда будет жестоким. Не важно, где все происходит: в школьном дворе или в профессиональной лиге. Это я еще в детстве уяснил.

Перед моими глазами проносятся кадры фильма про хоккеиста Харламова, где он стоит в воротах, а в него одна за другой с огромной скоростью летят тяжелые шайбы. Я вся сжимаюсь от страха, и эти картинки уходят, уступая место воспоминаниям, когда Стёпа возвращался домой с разбитым лицом и прятался у себя в комнате, чтобы отец ничего не заметил. А его руки... они были в крови...

– Это ужасно. Отвратительно, – трясусь я. – То, как люди обращаются друг с другом, и то, чем они это оправдывают.

Джастин смотрит на меня с интересом.

– Зоуи, а что такое «amerikos»?

– Они называли тебя так? – вспыхиваю я.

– Да.

– Это значит... американец... – убираю волосы за уши. – В несколько обидном смысле. Не знаю... как если бы они сказали «янки» или что-то вроде того. И обидно, и вроде нет.

А сама прокручиваю в голове другие оскорбительные словечки, которые слышала за свою жизнь, и проглатываю их, так как вслух точно никогда не смогу сказать.

– Ты думаешь, все из-за моей национальной принадлеж-

ности? – Удивительно, но в его лице нет злобы или печали, он просто интересуется.

– Думаю, что нет, – тяжело вздыхаю. – У агрессии нет национальности. Они бы так вели себя с любым чужаком или даже с любым из своих...

– Зоуи, а что такое «muzhik»?

– Мужик? – Мои брови лезут на лоб.

– Muzhi-i-i-ik, – старательно тянет Джастин, подражая кому-то.

Я снова улыбаюсь, ведь он говорит это почти без акцента, так басовито и по-деловому.

– Это как... та-а-а-а-ап по-вашему, – предполагаю я. – Настоящий мужчина.

Однажды слышала в каком-то фильме, как они произносят это «та-а-ап» – совсем как мы.

– Оу, – задумчиво выдает он. – А что такое «sinok»?

Я на секунду теряюсь, пытаюсь разгадать, о чем он говорит.

– «С... сынок»?

– Да, – кивает американец, – твой отец так говорит мне.

– А-а-а... – довольно хмыкаю. – Ну, это он тебя сыном называет.

– Оу... – Джастин что-то обдумывает, глядя вдаль.

– А почему твой отец отправил тебя сюда? – спрашиваю прямо в лоб.

Он так тихо и медленно выдыхает, что я вся покрываюсь

мурашками. Мне хочется дотронуться до него и снова почувствовать тепло его рук, но приходится в который раз напоминать себе, что *мне это не нужно*. Нет, ни в коем случае. Не нужно.

Но тело со мной несогласно. Близость этого парня греет меня, заставляя забывать о ветре, влажной прохладе и высоте крыши. А сердце бьется все быстрее и быстрее.

– Потому что... – Джастин смотрит на меня, словно не решаясь, стоит ли делиться этим со мной, – потому что...

– Если не хочешь, не говори.

Он сжимает и разжимает кулаки, сопит, будто ему резко стало трудно дышать.

– Отцу нужно все контролировать, – произносит наконец, тяжело вздыхая. – У меня не было особых успехов в бейсболе. Мне никогда не нравилось, понимаешь? Но он заставлял меня, снова и снова. Нужно продолжать традиции, нужно реализовывать его амбиции. И слышать ничего не хотел о моем уходе. Подсуетился насчет контракта, все организовал, а мне оставалось только делать вид, что это – моя мечта. Но я не смог... Не смог...

– И что ты сделал?

– Год назад я случайно попал на тренировку нашей студенческой команды по «soccer» – это ваш, европейский футбол. Мне понравилось, и передо мной встал выбор – как поступить. Отец и слышать ничего не захотел про это. Тогда я стал заниматься и футболом, и бейсболом одновременно.

Конечно, долго утаивать не удалось: о моей усталости и постоянных пропусках занятий быстро доложили родителям. Папа угрожал, но наперекор ему я бросил бейсбол официально.

– А он?

Джастин уперся локтями в колени и принялся массировать виски.

– Он взбесился. Устроил все так, чтобы меня выгнали из футбольной команды, и поставил ультиматум. Мне казалось, что отец перебесится и все встанет на свои места, но вышло по-другому. Когда я отказался возвращаться, он был вне себя. Сутки молчал, а затем взял мои документы и оформил в программу по обмену вместо сестры. Хотел проучить, сказал, что я не проживу без его денег, что никуда не пробьюсь.

– И вот ты здесь... – сглатываю я.

– Да, – кивает Джастин, оглядывая округу через ветви яблони. – Мне стыдно, но я подчинился. Испугался его. И теперь... просто запутался. Ненавижу себя.

– За что?

Мне приятно все это слышать хотя бы потому, что русские мужчины, в отличие от американцев, обычно не признаются так легко в своих слабостях и неудачах, а этот парень переусиливает себя и делится самыми тяжелыми переживаниями со мной.

– За то, что я так долго сопротивлялся ему, чтобы потом... просто сдаться. За то, что хочу обратно, но не знаю за-

чем. Просить у него прощения? Никогда. Вернуться в бейсбол? Не хочу. Попытаться вернуться в «soccer»? Да он ведь заплатил, чтобы меня вышвырнули оттуда! Я даже сам не знаю, что мне делать, если вернусь! Я просто... в ловушке. Понимаешь? В ловушке!

Набираюсь смелости и кладу свою ладонь на его предплечье. Мышцы у него под футболкой твердые, будто камень. На секунду у меня перехватывает дыхание.

– Ты просто запутался, Джастин. Чувствуешь, что нужно что-то делать, но не знаешь, что именно. Позволь тебе помочь?

Опускаю руку.

– Вроде того. Запутался. – Он поворачивается и смотрит на меня недоверчиво, настороженно.

– Я могла бы сказать, что в нашей стране у тебя больше шансов добиться чего-то, но это не так. Здесь тоже все решают деньги. Мальчишки идут заниматься в футбольную секцию на равных условиях, но в итоге, спустя несколько лет, играют именно те, чьи родители готовы платить за это тренеру. Заплатил – играешь, нет – сидишь на скамье запасных. Исключения есть, но и они закономерны: если видно, что парень экстраординарный, новый Месси или что-то вроде того, он играет в команде, но только потому, что в нем видят потенциал и надеются продать потом подороже. От этого футбол в стране не развивается.

Он смотрит на меня, открыв рот. Я виновато улыбаюсь.

– А что, если ты примешь эти полгода просто как... перерыв? – продолжаю, вздохнув. – Понимаю, что для спортсменов это подобно смерти, но мы могли бы что-нибудь придумать... У нас в группе есть парень, отец которого может устроить тебя в местную команду, чтобы тренироваться вместе с футболистами. Ты поживешь, подумаешь о своей жизни... Вдруг тебе здесь понравится? Я могла бы помочь освоиться...

Джастин обхватывает голову руками и выдыхает так шумно, что мне становится неловко. Все, о чем я сейчас ему толкую, действительно звучит как бред.

Молчим. Я не готова настаивать, он продолжает все взвешивать. Мы оба понимаем, что это не самое лучшее решение для него, но все же решение. Пусть временное.

– Я никогда не выучу ваш язык, – говорит он наконец, со скрипом сжимая зубы.

А я почему-то ликую. Он ведь не сказал «нет»? Не сказал!

– Но ты ведь можешь попробовать...

Джастин хмурится, нервно чешет лоб, прячет руки в карманы штанов, затем достает их обратно и сильно хлопает себя по щекам. От резкого звука я вздрагиваю.

– Я не смогу. – Он истерически смеется. – Зачем мне все это? Боже, ну что за...

– Сможешь, – моя ладонь снова на его предплечье.

Не навязывайся. Не навязывайся. Перестань.

Американец замирает, уставившись на мои пальцы. Сму-

ценно отдергиваю руку.

– Это сумасшествие... – шепчет он, облизывая разбитую губу и качая головой.

– У тебя получится, – настаиваю я, переводя взгляд на яблоню.

– Почему ты так думаешь?

– Ты упрямый, – улыбаюсь.

– Во что же я вляпался...

В неприятности. В Россию. В меня, в конце концов.

– Русский язык не такой уж сложный. – Вру, вру, вру, но пусть он узнает об этом позже, не сейчас.

– Не знаю, Зоуи...

Прокашливаюсь, выпрямляюсь и строго смотрю на него:

– Начнем, пожалуй, с самого главного.

Джастин обреченно выдыхает и жалобно ноет:

– И с чего?

– Зоя. Меня зовут Зо-я, – произношу делано-учительским тоном.

Ему нравится. В синих глазах пляшут хитрые чертики.

– Зо... у... я, – набирает в легкие больше воздуха, – Зо-я.

Облегченно выдыхаю.

– Прекрасно.

И по спине снова бегут мурашки.

Мы улыбаемся друг другу в вечерних сумерках почти как старые приятели, но в этот момент слева слышится отчетливый щелчок, и свет в комнате Джастина гаснет. Мы перегля-

дываемся.

Мама иногда тоже бывает очень упрямой, и только что она снова выключила свет и закрыла окно в комнате Стёпы...

Джастин

– Черт! – ругаемся мы шепотом, синхронно и сразу на двух языках.

Я понимаю это по тому, как она вдруг смотрит на меня удивленно и ошарашенно, а затем пытается убрать улыбку, проступающую на лице.

– Одновременно, – говорит Зоя, поджимая губы, и вскакивает.

Уже достаточно темно, и мне не видно, покраснела ли она. Хотя и так знаю – конечно. Эта ее особенность – краснеть через каждые пять минут – ужасно милая и забавная, а еще почему-то не на шутку заводит меня.

– Blin! – выдает девчонка, прислонив ладони к стеклу.

Мне плевать, что окно снова закрылось. В душе я радуюсь, как мальчишка, потому что мы с ней теперь одни на этой крыше и никто не может мне помешать плясать на развевающийся на ветру подол ее платья. Мне отчего-то плевать совершенно на все. На Фло с ее попытками всё «уладить», на отца, пытающегося доказать всему миру, что он самый крутой, на то, что мои мечты вдруг разбились в одночасье. Пле-

вать на весь мир, который стал для меня невидимым, потому что я спятил.

Это совершенно очевидно – просто спятил. У меня нет ни прошлого, ни будущего. Стою на краю этой крыши, как на краю собственной жизни, и ныряю в неизвестность. Я только что *сам* согласился на это сумасшествие. На то, что никогда не планировал, и то, от чего готов был отмахиваться и руками, и ногами, и всем телом сразу.

Потому что *она мне предложила*, а я так засмотрелся на ее голубые глаза, что не смог отказаться. Все слушал, как она произносит мое имя – тихо, шепотом, будто катает его, как леденец, на своем языке, и хотел слышать это еще и еще.

Точно идиот. Говорю вам.

Идиот, которому все равно, что мы оказались заперты на крыше. Ведь главное – вдвоем. И у меня теперь есть абсолютно законный повод находиться рядом, стоять к ней плечом к плечу и чувствовать, как внутри тела взрываются огненные фейерверки, стоит лишь нам нечаянно соприкоснуться руками.

Я схожу с ума. У меня еще никогда такого не было. Что это?

– Что еще за «blin»? – спрашиваю, наклоняясь и тоже при-слоняя ладони к стеклу.

Зоя печально опускает плечи – окно действительно закрыто.

– Трудно объяснить, – говорит она, закусывая губу, уби-

рает руки. — Это как «черт», только съедобное... — И прячет лицо в ладонях, сквозь которые тут же слышится ее стон. — Что я говорю? Blin!

— Blin... — повторяю я, выпрямляясь. — Мне нравится это слово. Blin. Blin.

Осторожно двигаюсь вдоль крыши, то и дело поглядывая вниз. Похоже, придется звать кого-нибудь на помощь.

— Есть у нас такое блюдо, — слышится тоненький голосок Зои. — Вроде ваших панкейков. Тоненькие, круглые лепешки. Сладкие. — Слышно, как она злится сама на себя за то, что не может подобрать нужных слов. — И когда мы ругаемся, тоже говорим blin. Господи, да я даже не знаю почему!

— Blin, — улыбаюсь я. Встаю на колени и свешиваю голову вниз, чтобы отыскать что-то подходящее для спуска с крыши. — А как сказать «черт»?

— Ch'ort, — отзывается Зоя.

Пытаюсь повторить и слышу, как она хихикает.

— Что? — выпрямляюсь.

— Ничего, — мотает головой девчонка, пытаюсь выглядеть серьезной. — И что нам теперь делать?

— Я, кажется, нашел кое-что. — Ложусь на живот, подтягиваюсь к краю и проверяю рукой на прочность старую деревянную лестницу, прислоненную к стене, можно попробовать спуститься.

Внизу, под нами, на первом этаже уже горит свет.

За моей спиной раздается ворчанье. Зоя уже подползла к

краю, сидит рядом и боится взглянуть вниз.

– Что? – усмехаюсь. – Если хочешь, можем спуститься по дереву.

– Под нами кухня. – Ее голос хрипнет от волнения. – Мама нас увидит.

– И? Она будет недовольна?

– Хм... Даже не знаю. – Глаза Зои округляются, когда она видит, что я спускаю вниз ноги. – Ей точно будет интересно, чем мы здесь занимались.

– А мы делали что-то плохое?

– Вроде нет. Если не считать, что ты... курил.

– У вас что, не курят? – Ставлю ногу на верхнюю ступеньку, осторожно переносу на нее вес всего тела. Та скрипит, но выдерживает.

– Не все, – она комкает подол платья, глядя, как я, спускаясь вниз, исчезаю в темноте, – и точно не при родителях.

– Хочешь сказать, твой отец не знал, что твой брат тусуется на крыше? У него ведь даже пепельница здесь к стене привернута.

– Я вот не знала... – Голос Зои кажется печальным, и мне приходится задержаться, чтобы попытаться выхватить из темноты черты ее лица. Так и есть – уголки рта опущены вниз, лоб нахмурен. – Видимо, у нас не самые лучшие отношения с братом.

– Бывает, – говорю, невольно вспоминая о Челси, и делаю еще пару шагов вниз.

– А разве спортсмены курят? – пищит она, выглядывая с края крыши.

Зоя дрожит, как заяц, боясь высоты.

– Бывает, – хмуро повторяю я.

Сигареты, прихваченные с собой, достались мне от Фло. Помню, выхватил пачку у нее из рук, когда она в очередной раз хотела закурить, чтобы избежать неприятных объяснений. И она так и лежала в кармане, а обнаружилась только несколько дней назад. Тогда и закурил впервые. Можно сказать, с горя.

– Это же вредно, – зудит Зоя с крыши полусшепотом. – Как ты бегаешь тогда на поле?

– Нормально. – Спрыгиваю в траву и оказываюсь в окошке света как раз в тот момент, когда хозяйка дома подходит к плите.

– Но ведь футболисту за время игры приходится делать столько... – она задумывается, – толчков? Э-э... тяги? Всплесков? Буксир?

– Рывков? – подсказываю я шепотом.

– Да, – выдыхает она смущенно.

И я вижу, как мелькают в темноте на крыше пряди ее светлых волос.

– И эта женщина еще собирается учить меня своему языку... – пытаюсь ее поддеть.

– Да, придется туго... – соглашается Зоя, вздыхая.

– Жёстко? – усмехаюсь я.

– Плотно? – не сдается она.

– Сильно?

– Тяжело! – это слово срывается с ее губ почти победоносно.

– Оу, да мы начинаем понимать друг друга! Нужно это отпраздновать. – Обхватываю обеими руками лестницу и шепчу: – А теперь слезай.

– Что?! – Ее глаза становятся такими огромными от ужаса, что мне даже отсюда виден их блеск.

– Слезай, говорю!

– Ни за что...

Так можно препираться сколько угодно, но вот ее мама за окном уже поглядывает на часы.

– Быстрее!

– Нет, иди, поднимись и открой мне дверь! – просит Зоя.

– Нет, – улыбаюсь я. – Сейчас зайду, сяду за стол, а тебя оставлю здесь.

– Не-е-ет, – не может поверить девчонка.

– Не будь трусишкой, Зо-я, слезай.

Она рычит. Натурально! Обрушивает какие-то русские ругательства и, громко копошась, спускает ноги вниз.

– Давай, детка! – подбадриваю я.

Но в ответ Зоя снова ворчит. Встает на ступеньку, спускается ниже, цепляется руками в лестницу и что-то говорит по-русски. Кажется, это проклятья. Она проклинаят меня, всю мою семью, мою страну, затем весь мир. С ее подачи нас

ждет апокалипсис!

– Еще немного, еще. Ты молодец!

Припадаю к лестнице всем телом и смотрю вверх. Розовенькие. М-м-м, как же это по-девичьи. Так мило...

– Эй, куда ты смотришь?! – восклицает вдруг она, оставившись.

– Кто? Я? – прочищаю горло. Мне бы сейчас и холодный душ не помешал, если честно. – Беспокоюсь, как бы ты не упала, детка.

Когда остается всего две ступеньки, Зоя спрыгивает вниз. Ее мягкие тапочки тонут в траве, а маленькие цепкие кулачки ударяют мне в грудь.

– И не зови меня деткой, понял?

Отступаю назад.

«Розовенькие. Они розовенькие, – стучит в висках и разносится жаром по всему телу. – Интересно, а бюстгальтер у нее такого же цвета?»

Не успеваю ничего сказать, как Зоя обходит меня и, яростно топая, направляется к входной двери. Едва поспеваю следом.

– Научишь меня грязным русским словечкам? – спрашиваю ехидно, почти касаясь губами ее уха.

Зоя отпрыгивает и активно трёт ухо плечом – ей щекотно.

– Чего? – морщится, будто лимон проглотила.

– Ну, ты так ругалась, я даже завелся... – играю бровями.

Ее лицо вытягивается от удивления, рот приоткрывается.

– Я молитву читала! – Несколько слов по-русски, затем: – Чтобы не упасть и не сломать себе руки и ноги!

– Правда? – хмыкаю, когда она тихонько приоткрывает входную дверь.

– Да! – шепчет она и приставляет палец к губам. – Детка... Blin... – качая головой, входит в дом.

Стараясь не шуметь, следуя за ней. Из гостиной доносится звук телевизора. На диване уже восседает ее отец, отсюда хорошо видна его лысеющая макушка.

– Представляю тогда, как ты ругаешься... – мечтательно произношу я.

Зоя бросает на меня уничтожающий взгляд и шумно выдыхает. Затем мы крадемся, как два вора, по направлению к лестнице. Ступаем осторожно и тихо. Нужно признать, нам весело. Обоим. Когда мы оказываемся за спиной у ее отца, беру девчонку за локоть и резко разворачиваю к себе.

Она замирает и таращится на меня. Шикает беззвучно и угрожает одними глазами, но мне так смешно, что я еле сдерживаюсь.

– Что? – спрашивает Зоя, разыгрывая передо мной целую пантомиму.

И я тоже все время спрашиваю себя об этом. Что? Что я делаю здесь на самом деле. Почему мне больше не хочется уезжать? Почему нравится все, что здесь происходит? Особенно – она.

Приказываю своему мозгу заткнуться, но все бесполезно.

Мысли опять предательски крутятся вокруг ее простенького личика и тонкой, хрупкой фигурки.

– Вот что, – достаю запутавшийся в светлых девичьих волосах яблоневого листочек и протягиваю ей на ладони.

Зоя пожирает меня взглядом. Уставилась, как на умалишенного, и плотно сжимает губы, чтобы не рассмеяться. Или не психануть. Не знаю.

Она медленно протягивает руку, чтобы взять желтоватый листик с моей руки, я тотчас перестаю дышать. Сердце в груди толкается так, будто ощущает сильный прилив адреналина.

И в эту секунду слышится радостный возглас ее мамы. Она нас увидела. Мы вздрагиваем, и я быстро прячу находку в карман.

– Мама рада, что мы наконец спустились к ужину, – переводит Зоя, прячет глаза и кивает в сторону кухни: – Пойдем.

– Привет, как дела? – по привычке говорю я ее родителям, на ходу поправляя растрепавшиеся на ветру волосы.

Догадываюсь, что нас приглашают за стол. Отец Зои здоровается со мной за руку и тоже следует на кухню. Мы молча моем руки и садимся за стол. Они втроем что-то оживленно обсуждают. Мне остается только догадываться, что именно.

– Им интересно, что же такое произошло с твоим лицом, – поясняет Зоя, отчаянно стараясь сохранять спокойствие.

Ее руки до сих пор в мурашках с прохладного вечернего воздуха.

– Ну, расскажи, – пожимаю плечами.

Родители переглядываются и качают головами, а мой личный переводчик долго что-то им объясняет. Немного поохав, мама Зои успокаивается и накладывает мне в тарелку какие-то кусочки теста, которые, надо признаться, пахнут приятно. Даже догадываюсь, что это.

– Pel'meni, – гордо провозглашает отец семейства.

Послушно киваю и вытягиваю носом пар, поднимающийся от блюда. Пахнет мясом. Вкусно. Мне подают тарелку с хлебом. Видимо, здесь так принято – все есть с хлебом. Хозяин дома, внимательно глядя на меня и активно жестикулируя, что-то говорит.

– Папа спрашивает, как прошел твой первый день в университете, – вздыхает Зоя.

Она не на шутку покраснелась.

– Ну, так скажи, что я там не был.

– Эм-м... Окей.

Девчонка берет вилку и с улыбкой что-то им рассказывает. Ее родители довольно кивают и дружно передают мне емкости с соусами. Мама Зои, широко улыбаясь, на своем примере показывает, как именно нужно макать в них горячие pel'meni.

– Ок, pel'meni, – повторяю я и беру вилку.

Хозяева дома чуть не начинают хлопать в ладоши, услышав, *как* я это сказал. Примерный мальчик, ничего не скажешь. Все рады.

Замахиваюсь столовым прибором над тарелкой и вдруг застываю. Меня осеняет. Смотрю на Зою, которая следит за каждым моим движением, и тихо произношу:

– Ты не сказала им, что я не был на занятиях, да?

– Да, – хитро улыбается она, помахивая вилкой а-ля «ну же, смелее, пробуй». – Вот выучишь русский и сам расскажешь, – протыкает самый толстенький кусочек теста с мясом, хмыкает, – если сможешь, конечно.

Я бы злобно прищурился, но на меня все еще пристально смотрят ее родители. Не хочу их расстраивать, поэтому натягиваю улыбочку и насаживаю на вилку *pel'meni*.

– Сомневаешься, значит? – спрашиваю, не глядя в сторону Зои.

– О да, – звучит в ответ.

Макаю в соус. В один, затем сразу в другой.

«Она думает, что мне слабо».

– Вызов принят, – говорю и отправляю еду в рот.

Глаза на лоб лезут – такое оно горячее. Выдыхаю пламя, как огнедышащий дракон, и утираю выступившие слезы. Русские громко перешептываются, и мама виновато подает мне стакан питьевой воды.

– Спасибо, мэм.

Прожевываю, глотаю, запиваю, беру еще одно. Делаю в этом странном комочке из теста дырочку зубами и выпускаю наружу бульон. Дую, а затем уже кладу в рот, жую.

– М-м-м... – прикрываю веки и признаюсь: – Вкусно...

– Vkus-na, – подсказывает Зоя.

Неумело повторяю за ней русское слово, и на меня вдруг обрушивается шквал аплодисментов. Удивленно хлопаю глазами. В последний раз кто-то *так* радовался моим успехам, когда я научился ходить на горшок.

Зоя

Родители слишком бурно реагируют на любое движение Джастина, но плюс в том, что они не переигрывают – действуют искренне, ведь этот парень почему-то реально им нравится. Хорошо хоть, их устроило объяснение, что он разбил лицо, навернувшись со скейта. Не представляю, как хлопотала бы мама, узнай она, что над ним издевались незнакомцы в первый же день пребывания в чужой стране.

– Дочь, скажи ему, что пельмени – это ерунда. – Отец отламывает большой кусок хлеба. – Другое дело – уха! Да на природе, на костре, в котелке!

Пельмень застревает у меня в горле: «Нет, папа, только не это. Не сейчас».

– Чем тебе пельмени не угодили? – морщится мама.

– Я возьму парня с собой на рыбалку. – Отец гордо ударяет кулаком по столу, хлеб выпрыгивает из его пальцев и, прокатившись по столу, ныряет в чашку с соусом.

– Не-е-ет, – умоляет мама, устало откладывая вилку в сторону.

Джастина никто даже не спрашивает. Парень, еще не догадываясь, что ему грозит опасность, преспокойно жует свой ужин.

– Переводи, дочка, переводи! – Отец не на шутку заводит-ся. – Поедем с ним на природу, наловим рыбы, сварим, – выбрасывает вперед руку с выпяченным вверх большим пальцем, – во будет!

– Э-э-э-э... – теряюсь я.

– Какая рыбалка, Миша? – терпение мамы лопается. – Ты сам с рыбалки еле возвращаешься, да еще и без рыбы! Этим летом вообще сапог потерял...

– С рыбой! – не унимается папа. – Вспомни того сома в прошлом году. На семь килограммов вытянул, еле в ванной поместился.

– Ага. Скажи еще, что это ты его поймал.

– Ну, так привезли его ко мне домой? Значит, я. – Отец поворачивается к Джастину: – Сом знаешь какой наваристый был? Жирный, вкусный! – Затем ко мне: – Ты не молчи, доча, переводи.

– Напóбите мне парня до поросычьего визга, будет возле палатки валяться, даже удочек не увидит. Знаю я вашу рыбалку! Рыбу из магазина привозите, чтобы не позориться.

Папа мрачнеет – задето его самолюбие.

– Знает она! Ты меня перед иностранным гостем пьяницей не выставляй.

– Да я твоих удочек сто лет не видела, – усмехается мама. –

Они у тебя вообще есть? Нет?

– Удочки мои в гараже все лежат. Что их таскать-то домой?

– В твоём гараже сам черт ногу сломит, тащишь туда всякий хлам и складировешь.

Джастин оживляется: он услышал знакомое слово – «черт». Кажется, до него доходит, что за милым перебрасыванием фразами кроется настоящая перепалка.

– Да дай ты мне пацана приобщить к мужскому делу! – Папины брови сходятся на переносице.

Мне уже не по себе.

Но мама не собирается сдаваться:

– Сына уже приобщил! Хватит. Бежит теперь от тебя с твоими рыбалками как от огня.

– Пф! – Отец и здесь не теряется. – Степка наш в твою породу, в бабскую. А тут сразу видно – мужик, – указывает в сторону Джастина. – Первый день в России, а уже по морде получил!

– Папа... – сглатываю я, растерянно втягивая голову в плечи.

– А что? Будешь мне и дальше сказки рассказывать про скейт? Да его покатушки бы в двадцати метрах от дома закончились, до магазина по нашим дорогам не доехал бы.

– Миша... – Мама обмахивается салфеткой и виновато улыбается, косясь на американца. – Ты что такое говоришь?

– В чем дело? – аккуратно интересуется Джастин.

– Папа собирается взять тебя на рыбалку... – поясняю.

– Оу, круто, – он мотает головой, – мой папа только в офисе сидит. Да иногда в гольф играет. Рыбалка интереснее.

– Видишь? – улыбается отец. – Он рад. Молодец, сынок. Тебе у нас понравится. Мы с тобой еще на охоту съездим – вот это точно самое мужское занятие, которое только бывает, – бросает в мою сторону хитрый взгляд. – Давай, зайка, переводи.

– И на охоту... – добавляю я по-английски.

Лицо Джастина оживляется.

– Видел, как наш президент на медведе скачет? – Папа гордо выпячивает грудь. – Вот мы с тобой так же будем.

Мама отчаянно зарывается лицом в ладони и качает головой.

– Охотник хренов, – теперь она смеется, – да у тебя ведь даже ружья нет!

– Эх, Людка. – Он смотрит на нее по-отечески снисходительно. – В охоте же не ружье важно, а состояние души.

– Да. – Мама поджимает губы. – Толька твой сходил уже на охоту. Завалил лося, теперь до конца жизни будет штраф выплачивать.

Отец надувается, как мяч для фитнеса.

– Это не он. Это *мы* все завалили. Коллективно. Просто он мужик – взял на себя всю ответственность, иначе бы мы как организованная браконьерская группировка пошли под суд.

– Мужик, мужик... тьфу, – злится мама, возвращаясь к ужину.

– Запричитала... – закатывает глаза папа.

Я сгораю от стыда. Прямо чувствую, как на мне сейчас вспыхнет платье.

– А на футбол он меня не хочет с собой взять? – интересуется Джастин как ни в чем не бывало.

– Что? Что он сказал? – оживляется отец.

– На футбол с тобой просится, – вздыхаю я.

Лицо папы сияет, как у кота, который только что налакался сметаны.

– С удовольствием, сынок! Как раз сезон начинается!

– Знаем мы ваш футбол... пиво, семечки... – начинает мама и, уловив угрожающий папин взгляд, тут же прикусывает язык.

– Вообще-то, они любят друг друга, – говорю я гостю, опуская взгляд в тарелку. – Вроде...

Джастин кивает, и дальше мы едим молча.

Когда ужин подходит к концу, американец помогает нам с мамой убрать посуду со стола.

– Почему вы не пользуетесь? – удивленно интересуется он у нее, указывая на посудомоечную машину.

Я в замешательстве, но перевожу вопрос. Мама смотрит на Джастина так, словно он сморозил какую-то глупость.

– Потому что я вымою посуду лучше, – отвечает она и включает воду в раковине.

А что, все очевидно. И даже логика присутствует. Перевожу ее ответ американцу, и того он, кажется, тоже устраивает. Поблагодарив маму еще раз, парень поднимается к себе.

Я тоже иду в свою комнату. Со страхом открываю ноутбук и пытаюсь дозвониться Славе. Он не отвечает. Ничего удивительного, я бы тоже обиделась. Пишу длинное письмо, отправляю. Всю ночь ворочаюсь в постели, то проваливаясь в сон, то снова просыпаясь. Вот только снится мне не мой парень, а крыша в вечерних сумерках, розовый закат, желтоватые листочки яблони и нечаянные прикосновения Джастина к моей коже.

* * *

Когда утром я иду в ванную, в комнате брата тихо. Принимаю душ, одеваюсь и снова возвращаюсь к его двери, чтобы сказать, что нам пора на учебу. Набираюсь смелости, стучусь, но мне никто не отвечает. Открываю дверь – пусто. Американца уже нет. Я спускаюсь вниз и замираю на последней ступеньке.

Происходящее на кухне кажется идиллией. Джастин сидит на стуле, а перед ним большая тарелка с блинами, рядом стоят чашки со сгущенкой и вареньем. Выключив плиту, мама поворачивается к американцу и показывает, как правильно скатать блин в трубочку или сложить треугольником, чтобы потом макнуть в одну из чашек.

– Нравится? – спрашивает мама, нажимая костяшкой пальца на экран планшета.

– Do you like it? – отзывается электронным голосом онлайн-переводчик.

– О да, – кивает Джастин, прожевав кусочек, а затем (держите меня семеро) говорит: – Спа-сы-ба!

Мама чуть не подпрыгивает от радости. Пишет что-то в планшете, читает внимательно, а затем выдает:

– Ай эм вери хэппи!

Парень, сворачивая очередной блин, улыбается ей.

Круто.

Меня мучает только одна мысль: нужно научить его проговаривать букву «р». А маму – отучить.

– Всем привет, – говорю, тихо входя на кухню.

Оба поворачиваются ко мне.

– Привет, – отзывается мама.

– Привет, – вторит на английском Джастин.

Беру чайник, кружки, расставляю их на столе, кидаю внутрь чайные пакетики и заливаю кипятком.

– А теперь на русском, пожалуйста, – улыбаюсь, не глядя парню в лицо.

Он не обижается. Усмехнувшись, пытается произнести:

– П... Пуи... При... – С буквой «р» ему еще долго не удастся справиться, зуб даю. – При-вэт.

– При-вет, – подсказывает мама. – Приии-вет.

Я довольна. Еще минут двадцать мы пьем чай с блина-

ми, пытаясь научить его произносить «привет», «спасибо» и «хорошо», хотя следовало бы начать с всемогущей фразы: «Извините, я не говорю по-русски». Но легкие пути ведь не для нас.

* * *

– Давай пройдемся пешком, Зоу... – спотыкается Джастин, желая, видимо, по привычке исковеркать мое имя и тут же исправляется: – Зоя.

– Пешком? – переспрашиваю, надевая обувь в прихожей. Сегодня на мне джинсы, свитер и тонкий плащ – на улице прохладно.

– Да, – отзывается парень уже с крыльца и, поежившись, застегивает толстовку под самое горло. – Ты говорила, что здесь недалеко.

– Хорошо, – пожимаю плечами, беру сумку и выхожу за ним следом.

– Наконец-то собрались! – усмехается папа. Они с мамой уже ждут нас в машине.

– Пап, мы сами дойдем, – говорю я, бросая взгляд на американца, – Джастин хочет прогуляться.

Тот в подтверждение моих слов отчаянно кивает.

– Правильно, – соглашается отец, – пусть посмотрит достопримечательности.

– Хорошего дня! – желает мама.

И они, помахав на прощание рукой, отъезжают от дома.

Надо признаться, без них мне как-то неловко в обществе Джастина. После вчерашнего разговора он кажется более расслабленным, будто решил открыться мне, довериться или что-то вроде того. А может, у него просто нет выхода? Рядом никого, кто мог бы помочь ему освоиться на новом месте и хоть как-то скрасить предстоящие несколько месяцев.

Указываю направление, и мы начинаем движение в сторону университета. Я – по бордюру, Джастин – рядом, слева. Спрятав руки в карманы, он задумчиво оглядывает дома, стоящие вдоль дороги. Идет, стараясь пнуть носком кроссовки каждый опавший листочек, встречающийся на пути, – ну, точно мальчишка!

– Ты поговорила со своим бойфрендом? – спрашивает он наконец после недолгого молчания.

Моя жизнерадостность моментально улетучивается. Кажется, что серые тучи, проплывающие над городом, улеглись мне на плечи и давят, давят.

– Нет, – отвечаю ему по-русски.

За завтраком мы договорились о том, что таким образом будем пополнять его словарный запас. Пусть привыкает.

– Нет, – категорично и жестко повторяет он. Его все еще беспокоит, что наш язык звучит достаточно твердо и строго, затем добавляет: – Да, я бы на его месте вообще с ума сошел. Такой красавчик, атлетически сложенный, подтянутый, в одних трусах врывается в комнату к его девушке.

Джастин говорит это очень серьезно, поэтому мне приходится вытянуть шею, чтобы убедиться – он улыбается. Я тоже расплываюсь в улыбке. Иногда его шутки выглядят излишне самоуверенными и даже пошлыми, но я ценю попытки поднять мне настроение.

– Все образуется, – отвечаю, пытаюсь успокоить в первую очередь саму себя.

Вдыхаю ярко раскрашенный и увядающий запах осени, и мне почему-то жутко хочется узнать, каково это – идти и держать этого парня за руку. Я уже знаю, что его ладони большие и горячие, и то, каким он может быть: уютным, спокойным, рассудительным, когда никто не видит и не лезет ему в душу.

Реннер – настоящий раздолбай, но я уверена, что это просто маска. Потому что мне вчера случайно удалось заглянуть под ее завесу и увидеть там настоящего Джастина.

– Зоя, а что такое «zay-ka»? – Парень поворачивается, и его взгляд цепляется за меня тысячами маленьких невидимых крючков так, что становится невозможным отвернуться. Смотрю в его глаза и чувствую, как теряю над собой контроль.

– Это... – задумываюсь и тут же чуть не падаю с бортика. Не стоит забывать о безопасности, когда строишь глазки парням. Восстанавливаю равновесие и замечаю, что лицо Джастина уже совсем близко: всего в нескольких сантиметрах от моего. Он бросился, чтобы подхватить меня. – Это...

брат так называл меня в детстве. Не Зоя, а «Зойка». Это вроде как... обидно. И мама с папой постоянно одергивали его, а потом стали называть меня созвучно – «зайка», что значит «заяц». Это слово в нашем языке звучит ласково, даже влюбленные часто друг друга так называют. Похоже на ваше «hunny bunny», не знаю, с чем еще сравнить... – Смущенно улыбнувшись, прячу взгляд. Выпрямляюсь и осторожно ступаю дальше.

Краснею. Жутко, дико, отчаянно краснею и ничего не могу с этим поделать.

– Значит, ты... zay-ka... – Парень странно прищуривается, и мне не удается понять, о чем он думает.

Прохладный ветерок, налетевший вдруг ниоткуда, кажется мне благословением. Надеюсь, хоть щеки немного остынут.

– А что такое... zad-nit-sa? – громко выдает Джастин, делая почему-то ударение на букве «i».

Проходящая мимо пожилая женщина вздергивает брови, сурово глядя на нас.

Я в недоумении пялюсь на Джастина.

– Что? – спрашивает тот. – Неправильно произнес? Ты вроде сама это слово говорила.

– Лучше скорей забудь его, – прошу я, хихикая.

– Так и знал, что это что-то оскорбительное, – наигранно обижается он и опускает взгляд на свои намытые до идеального блеска белые кроссовки.

Уж я-то знаю, что не успеем мы дойти до универа, как они станут грязно-серыми. Каждая проезжающая по дороге машина тянет за собой столько грязи, что гуляй мы целый день, на нас вечером были бы плащи из пыли толщиной в сантиметр.

– Не оскорбительно, – закусываю щеку изнутри, – это значит... – Перехожу на шепот, бросая в его сторону короткое: – Попа.

– Что?

Понимаю, что он не врубается, и начинаю перечислять все синонимы, какие приходят в голову:

– Ass, booty, butt, cheek...¹

Хлопаю себя по соответствующему месту и краснею еще больше.

– Blin, – восклицает американец, глядя на меня. – А покажи еще раз, как ты это делаешь. Мне нравится!

Его глаза загораются. Напряжение снято, и мы хохочем, отворачиваясь друг от друга. С ним легко. Интересно только, как долго это продлится?

Первым успокаивается Джастин:

– Вряд ли у меня получится. Учеба, русский и все такое. – Он качает головой.

Спрыгиваю с бордюра. Теперь между нами снова около тридцати сантиметров в росте. Просто бездна! Мы как волк и заяц из мультфильма «Ну, погоди!» – смех, да и только.

¹ Ягодица (*пер. с англ.*).

– А что ты теряешь? – набираюсь смелости и толкаю его плечом, чем вызываю очередной удивленный взгляд. – Прими это не как испытание, а как веселое приключение – например как отдых. Будет сложно, но весело. Это я тебе обещаю. Здесь нет океана, здесь холодно девять месяцев в году, но в этой стране люди умеют веселиться.

– У вас тоже есть фратернити? – спрашивает он безразлично.

– Ты про студенческие братства, в которых все обычно напиваются до беспамятства на вечеринках?

– Да.

Щурюсь, смотрю, как из-за тучки выглядывает солнце. Его лучи уже не греют, но все равно приятно. Впереди маячат высотки. Тот район города более оживленный, парню будет на что поглазеть. И вообще, неплохо было бы организовать ему настоящую экскурсию.

– У нас нет фратернити, – улыбаюсь, – мы сами себе фратернити. У нас в каждой группе по пять таких братств. Неофициальных. Никаких разделений, взносов, клятв, испытаний и правил. Парни и девчонки – вместе. Мы просто дружим и отрываемся по выходным, но зато с русским размахом.

Джастин притормаживает и смотрит на меня в упор:

– Кроме того, что мне нужно будет учить русский, придется заняться и основными предметами. Я этого дома толком не делал, Зоя. Понимаешь?

– Я уже поняла, что ты... – не могу подобрать ничего похожего на «разгильдяй». – Не важно. – Останавливаюсь и смотрю на него снизу вверх. – У нас все проще. Вот, смотри: у вас меньше лекций, больше самостоятельной работы, у нас – наоборот. Много лекций, но после них мы отдыхаем дома. Задания для самостоятельной работы у вас присылают по почте, у нас обычно отдают прямо в руки. Групповые работы, презентации тоже проходят не так часто, как у вас.

– Но учиться все равно надо.

– Конечно, – беру за локоть и тяну его в сторону пешеходного перехода. – Но тебе будет интересно сравнить, как наша система обучения отличается от вашей. Есть плюсы и минусы. – Когда загорается зеленый, мы переходим на другую сторону улицы. Вдали уже виднеется университетская площадь. – Мы не выбираем предметы и дисциплины, которые хотим изучать. Все экзамены сдаем в основном по материалу, который дают на лекциях, поэтому тебе придется много писать.

Изо рта Джастина вылетает ругательство, которое мне доводилось слышать разве что в кино.

– Не переживай, тебе помогут, – успокаиваю, – преподаватели, ребята. Я, наконец. – Замираю, когда наши локти случайно соприкасаются. – С утра ты будешь ходить с нами на лекции, в одиннадцать у тебя изучение русского языка, далее иностранный курс, где вы с другими студентами будете изучать профильные предметы на английском.

– Много у вас студентов из других стран?

– Да, но все в основном русскоговорящие: из Казахстана, Узбекистана, Беларуси и стран ближнего зарубежья. Даже среди тех, кто имеет российское гражданство, много студентов разных национальностей. У нас многонациональная страна.

– В Сан-Диего так же.

– Оценки у нас не от F до A, от 1 до 5. Что еще? – перебираю в уме информацию, решая, что могло бы быть полезным для иностранца. – В наших университетах тоже есть библиотеки, кафе, спортзал, но они не круглосуточные и мало напоминают ваши кампусы. Здесь все гораздо скромнее.

Мы останавливаемся возле главного корпуса. Джастин оглядывается вокруг, и его взгляд цепляется за стоящий в отдалении большой университетский стадион.

– О, – глаза парня загораются, – кажется, здесь я и играл в футбол. Надо же.

Ничего себе. Значит, он вчера кружил поблизости.

Смотрю на часы.

– Ты готов?

Он застывает на месте. Выглядит удрученным, ссутуленным, смотрит в одну точку и дышит тяжело, точно приговоренный к смерти.

– Нет, – уголки его губ опускаются. И повторяет уже по-русски: – Нет.

– Эй, – подбадриваю я, вставая на цыпочки, чтобы пой-

мать его взгляд. – Ты чего?

Джастин вздыхает. Смотрит на меня. Синие глаза полны обреченности.

– Может, не надо? – спрашивает после недолгой паузы.

– Надо, Джастин, надо! – смеюсь я.

Зоя

Мы оформили нужные документы и направлялись в аудиторию.

– Помещения для лекций бывают большими, – говорю я, – там проходят лекции сразу у нескольких групп одного потока. И маленькими, как это, где сегодня занимаемся только мы. – Поправляюсь: – Только наша группа.

Указываю на кабинет. Чем ближе мы подходим к нему, тем медленнее Джастин передвигает ноги.

– Ну вот, пришли.

Кто-то, очевидно, залил американцу бетон в толстовку, потому что он застыл и не достает рук из карманов. Даже не моргает, смотрит на меня сосредоточенно, отчего ярко-синие глаза кажутся огромными, почти безграничными.

– Вау, – усмехаюсь. – Такой большой мальчик, а струсил.

– Я?! – наконец оттаивает он, и его руки выбираются из плена кофты. – Это не страх, – проводит ладонью по лицу. – Я просто в ужасе...

Его лицо так напряжено, что мне хочется взять его за руку и успокоить. Но не могу. Для меня это кажется несправед-

ливым по отношению к Славе. Я и так (нужно это признать) думаю о Джастине слишком часто. Намного чаще, чем полагается девушке, у которой есть парень.

– А где тот крутой спортсмен, который приехал к нам два дня назад, а? Который тушил сигареты в горшке с цветами и смотрел на меня... – гляжу на него исподлобья, насколько это вообще возможно с позиции моего роста. – Вот так!

Его губы растягиваются в невольной улыбке.

– Вот. Вижу, – кладу ладонь на ручку двери и тяну на себя. – Такой Джастин как раз подойдет.

Открываю дверь и заглядываю внутрь. Нам повезло – препода еще нет. Ребята оживленно болтают о своем.

– Нет уж, – громко говорит Вика, усаживаясь на подоконник, – я туда больше ни ногой. Что там делать? Комаров кормить? Или ногти ломать на канатном мосту? Пусть ботаники едут, им полезно, спорт и все такое.

– Поддерживаю, – соглашается Диана. – Я на турслет в этом году ни ногой.

Открываю дверь шире, выдыхаю и делаю первый шаг. Оборачиваюсь и показываю жестом Джастину, чтобы входил. Он медлит. Замечаю: как по мановению волшебной палочки его лицо опять становится суровым – парень напускает на себя жесткий, неприступный вид. А мне-то казалось, сейчас он включит улыбчивого американца с их привычным «how are you» или «what's up», но не тут-то было.

– Всем привет! – говорю, взглянув на собравшихся одно-

группников.

И мой подопечный делает первый, несмелый шаг в аудиторию.

– Знакомьтесь, это Джастин. Он из Сан-Диего и будет учиться с нами ближайшие несколько месяцев.

Все взгляды устремляются на новичка.

Американец молча входит и окидывает группу взглядом. Не спешит занять свободное место, видимо, ждет от меня хоть каких-то инструкций. Ребята смотрят на него во все глаза, кто-то приглушенно охает.

– Привет, – вдруг бросает он самоуверенно.

По-английски.

– Привет. Привет. Привет! – раздается в ответ хор голосов.

Все улыбаются. Девчонки начинают шептаться. Бьюсь об заклад – каждой из них кажется, что он поздоровался именно с ней.

– Джастин не понимает по-русски, – обвожу взглядом в первую очередь парней, – так что прошу проявить понимание и помочь.

Аудитория взрывается гулом голосов. Первым к незнакомцу спешит Дима. Крепко жмет ему руку:

– Добро пожаловать! – Хлопает по плечу.

– Спасибо. – Джастин достаивает его сдержанной улыбкой.

И тут Калинин начинает задавать ему вопросы с такой

скоростью, что я почти перестаю понимать, о чем они ведут беседу. Три года в Нью-Йорке не прошли даром, английским Дима владеет в совершенстве. По лицу американца становится заметно, как это его поражает.

– Совсем-совсем не понимает? – интересуется Танька, подойдя ко мне ближе.

Довольно киваю, наблюдая, как парни начинают подтягивать вперед, чтобы познакомиться с новичком.

– Совсем.

– Ни словечка? – Глаза девушки расширяются.

Ее подружки уже окружили меня кольцом.

– «Привет», «пока», «спасибо», – пожимаю плечами. – Это все, что мы успели вчера выучить.

А еще «задница», «зайка» и прочее, но об этом умолчим.

Диана, поправляя розовые локоны, громко и радостно взвизгивает:

– Ой, а хорошенький какой! Губастенький!

– Высокий, – мечтательно подхватывает Танька.

– Слушай, Градова, – подходит ко мне Вика, но ощущение такое, что ко мне только что подползла королевская кобра, – он что... у тебя дома живет?

Она неотрывно смотрит на американца.

– Да, – говорю я. – Джастин – брат Челси Реннер, приехал вместо нее.

Кобре больше не интересно, что я ей скажу. Она медленно двигается в сторону будущей жертвы. Мне на секунду даже

показалось, что слышно ее шипение, и по спине пробежали мурашки.

– Привет, как дела? – Королева группы протягивает ему руку. Парни расступаются, и ее губ касается довольная улыбка. Она любит эффектные появления.

У них с Джастином не такая большая разница в росте. Хорошо смотрятся. К тому же парень явно заинтересован. Жмет ей руку, и я вижу, как в его глазах автоматически включается режим «охмурителя».

– Привет, все прекрасно.

– Меня зовут Вика. – Она кокетливо поводит плечом, изображая смущение.

– Я – Джастин, очень приятно.

Их контакт глазами слишком затягивается.

– Ого, – шепчет Машка, подлетая ко мне сбоку.

– Угу, – соглашаюсь я.

Мне уже ясно видится, как змеюка вонзает острые зубы и умерщвляет свою жертву, впрыскивая под кожу сильнейший токсин. Не отпускает, удерживает, прикусывает снова и снова.

– Он... интересный, – качая головой, выдает Сурикова.

– А? Кто? – спрашиваю я, с трудом оторвав взгляд от Джастина, окруженного толпой страждущих пообщаться.

– Кто-кто? Твой новый жилец.

– Я одного только понять не могу, – вклинивается Никита Медведев, который уже успел поздороваться с новичком

и отошел подальше, чтобы не мешать остальным, – почему в параллельной группе три тренажера, а нам только одного выделили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.